МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЦЕНТР НАУЧНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА
«НАУКА И ПРОСВЕЩЕНИЕ»

НАУКА и ПРОСВЕЩЕНИЕ
МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЦЕНТР НАУЧНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

ЛУЧШИЙ АВТОР НАУЧНОЙ СТАТЬИ 2026

СБОРНИК СТАТЕЙ МЕЖДУНАРОДНОГО НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО КОНКУРСА,
СОСТОЯВШЕГОСЯ 15 ОКТЯБРЯ 2026 Г. В Г. ПЕНЗА

ПЕНЗА
МЦНС «НАУКА И ПРОСВЕЩЕНИЕ»
2026

УДК 001.1
ББК 60
Л87

Ответственный редактор:
Гуляев Герман Юрьевич, кандидат экономических наук

Л87
ЛУЧШИЙ АВТОР НАУЧНОЙ СТАТЬИ 2026: сборник статей Международного научно-исследовательского конкурса. – Пенза: МЦНС «Наука и Просвещение». – 2026. – 54 с.

ISBN 978-5-00268-743-5

Настоящий сборник составлен по материалам Международного научно-исследовательского конкурса «**ЛУЧШИЙ АВТОР НАУЧНОЙ СТАТЬИ 2026**», состоявшегося 15 октября 2026 г. в г. Пенза. В сборнике научных трудов рассматриваются современные проблемы науки и практики применения результатов научных исследований.

Сборник предназначен для научных работников, преподавателей, аспирантов, магистрантов, студентов с целью использования в научной работе и учебной деятельности.

Ответственность за аутентичность и точность цитат, имен, названий и иных сведений, а также за соблюдение законодательства об интеллектуальной собственности несут авторы публикуемых материалов.

Полные тексты статей в открытом доступе размещены в Научной электронной библиотеке **Elibrary.ru** в соответствии с Договором №1096-04/2016К от 26.04.2016 г.

УДК 001.1
ББК 60

© МЦНС «Наука и Просвещение» (ИП Гуляев Г.Ю.), 2026
© Коллектив авторов, 2026

ISBN 978-5-00268-743-5

Ответственный редактор:
Гуляев Герман Юрьевич – кандидат экономических наук

Состав редакционной коллегии и организационного комитета:
Агаркова Любовь Васильевна – доктор экономических наук, профессор
Ананченко Игорь Викторович – кандидат технических наук, доцент
Антипов Александр Геннадьевич – доктор филологических наук, профессор
Бабанова Юлия Владимировна – доктор экономических наук, доцент
Багамаев Багам Манапович – доктор ветеринарных наук, профессор
Баженова Ольга Прокопьевна – доктор биологических наук, профессор
Боярский Леонид Александрович – доктор физико-математических наук
Бузни Артемий Николаевич – доктор экономических наук, профессор
Буров Александр Эдуардович – доктор педагогических наук, доцент
Васильев Сергей Иванович – кандидат технических наук, профессор
Власова Анна Владимировна – доктор исторических наук, доцент
Грицай Людмила Александровна – доктор педагогических наук, доцент
Давлетшин Рашит Ахметович – доктор медицинских наук, профессор
Иванова Ирина Викторовна – кандидат психологических наук
Иглин Алексей Владимирович – кандидат юридических наук, доцент
Ильин Сергей Юрьевич – кандидат экономических наук, доцент
Искандарова Гульнара Рифовна – доктор филологических наук, доцент
Казданян Сусанна Шалвовна – кандидат психологических наук, доцент
Качалова Людмила Павловна – доктор педагогических наук, профессор
Кожалиева Чинара Бакаевна – кандидат психологических наук
Колесников Геннадий Николаевич – доктор технических наук, профессор
Корнев Вячеслав Вячеславович – доктор философских наук, профессор
Кремнева Татьяна Леонидовна – доктор педагогических наук, профессор
Крылова Мария Николаевна – кандидат филологических наук, профессор
Кунц Елена Владимировна – доктор юридических наук, профессор
Курленя Михаил Владимирович – доктор технических наук, профессор
Малкоч Виталий Анатольевич – доктор искусствоведческих наук
Малова Ирина Викторовна – кандидат экономических наук, доцент
Месеняшина Людмила Александровна – доктор педагогических наук, профессор
Некрасов Станислав Николаевич – доктор философских наук, профессор
Непомнящий Олег Владимирович – кандидат технических наук, доцент
Оробец Владимир Александрович – доктор ветеринарных наук, профессор
Попова Ирина Витальевна – доктор экономических наук, доцент
Пырков Вячеслав Евгеньевич – кандидат педагогических наук, доцент
Рукавишников Виктор Степанович – доктор медицинских наук, профессор
Семенова Лидия Эдуардовна – доктор психологических наук, доцент
Удут Владимир Васильевич – доктор медицинских наук, профессор
Фионова Людмила Римовна – доктор технических наук, профессор
Чистов Владимир Владимирович – кандидат психологических наук, доцент
Швец Ирина Михайловна – доктор педагогических наук, профессор
Юрова Ксения Игоревна – кандидат исторических наук

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕХНИЧЕСКИЕ НАУКИ 5

НАДЕЖНОСТЬ ПАРОЛЕЙ СТУДЕНТОВ СПО: АНОНИМНЫЙ ОПРОС И ОЦЕНКА ПО КРИТЕРИЯМ СТОЙКОСТИ (МОДЕЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ)
БАРАНОВ АРТЕМИЙ АНДРЕЕВИЧ 6

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ 10

ПАЕВЫЕ ИНВЕСТИЦИОННЫЕ ФОНДЫ: ВОЗМОЖНОСТИ ДЛЯ ИНВЕСТИРОВАНИЯ В 2025–2026 ГОДАХ
ЧИРВА МАРГАРИТА ДЕНИСОВНА 11

КАЧЕСТВО УСЛУГ КАК ФАКТОР КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ ПРЕДПРИЯТИЙ СФЕРЫ ОБСЛУЖИВАНИЯ
ГУЗАЕВА АНАСТАСИЯ АЛЕКСАНДРОВНА 15

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ 19

UNILATERAL ECONOMIC SANCTIONS AND THE RIGHT TO ACCESS JUSTICE: LEGAL BARRIERS IN CROSS-BORDER COMMERCIAL ARBITRATION
ZAHRA ASVAR 20

ОТМЕНА ДАРЕНИЯ: ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ
КОШЕЛЕВА ТАТЬЯНА ЕВГЕНЬЕВНА 24

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ 28

ИНКЛЮЗИВНЫЙ ПОДХОД К ДЕТЯМ С ПРЕДПОСЫЛКАМИ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ В ДОШКОЛЬНОМ ОБРАЗОВАНИИ
КАСЬКО СОФИЯ ГРИГОРЬЕВНА 29

ПАТРИОТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ ВО ВНЕУРОЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СТУДЕНТОВ СРЕДНЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
СЛИНКИНА СОФИЯ АЛЕКСАНДРОВНА 32

МЕДИЦИНСКИЕ НАУКИ 37

NONINVASIVE ASSESSMENT OF ADVANCED LIVER FIBROSIS IN TYPE 2 DIABTES AND METABOLIC DYSFUNCTION ASSOCIATED STEATOTIC LIVER DISEASE
SOHAIL AMJADIAN 38

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ 43

ЦИФРОВИЗАЦИЯ УПРАВЛЕНИЯ ДОШКОЛЬНЫМ ОБРАЗОВАНИЕМ: ВНЕДРЕНИЕ ЭЛЕКТРОННОГО ДОКУМЕНТООБОРОТА И АВТОМАТИЗАЦИЯ УПРАВЛЕНЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ
ВОРОБЬЕВ АЛЕКСАНДР КОНСТАНТИНОВИЧ, ПОПОВ СЕРГЕЙ АНАТОЛЬЕВИЧ 44

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ РАЗРАБОТКИ ПРОГРАММЫ СОЦИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ МУНИЦИПАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ (НА ПРИМЕРЕ АМО ТЕПЛО-ОГАРЕВСКИЙ РАЙОН)
МИТЯЕВА ВАЛЕРИЯ СЕРГЕЕВНА 48

ТЕХНИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 620

НАДЕЖНОСТЬ ПАРОЛЕЙ СТУДЕНТОВ СПО: АНОНИМНЫЙ ОПРОС И ОЦЕНКА ПО КРИТЕРИЯМ СТОЙКОСТИ (МОДЕЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ)

БАРАНОВ АРТЕМИЙ АНДРЕЕВИЧ
студент
АНО ПО «Московский областной колледж информации и технологий»

Научный руководитель: Шебаршина Виктория Геннадьевна
преподаватель
АНО ПО «Московский областной колледж информации и технологий»

Аннотация: статья посвящена оценке надёжности паролей студентов СПО. Предлагается методика анализа практик аутентификации без сбора реальных учётных данных. На синтетической выборке из 120 респондентов демонстрируются этапы: анонимный опрос, формализация критериев стойкости, классификация условных паролей и соотнесение с рекомендациями NIST и OWASP. Рассматриваются длина, предсказуемость, типовые шаблоны, связь с личной информацией и повторное использование секретов. Числовые значения носят исключительно иллюстративный характер и не отражают данные реального опроса.
Ключевые слова: пароль, стойкость, информационная безопасность, СПО, аутентификация, кибербезопасность, цифровая грамотность.

RELIABILITY OF PASSWORDS OF STUDENTS IN HIGHER EDUCATION INSTITUTIONS: ANONYMOUS SURVEY AND ASSESSMENT ACCORDING TO STABILITY CRITERIA (MODEL STUDY)

Baranov Artemy Andreevich

Scientific supervisor: Shebarshina Victoria Gennadyevna

Abstract: The article is devoted to assessing the reliability of passwords used by vocational education students. A methodology is proposed for analyzing authentication practices without collecting real accounting data. The stages are demonstrated using a synthetic sample of 120 respondents: an anonymous survey, formalization of strength criteria, classification of hypothetical passwords, and comparison with NIST and OWASP recommendations. Length, predictability, typical patterns, correlation with personal information, and reuse of secrets are considered. The numerical values are purely illustrative and do not reflect the data from the actual survey.
Keywords: password, strength, information security, open-source software, authentication, cybersecurity, digital literacy.

Парольная аутентификация остаётся массовым способом подтверждения личности. Для студентов среднего профессионального образования (СПО) вопрос особенно практический: они работают с электронными образовательными ресурсами, корпоративной почтой, облачными хранилищами и внешними сервисами.

Стойкость секрета нельзя сводить к «внешней сложности». NIST рекомендует сверять создаваемый пароль с перечнем распространённых и ранее скомпрометированных значений и подчёркивает значение длины при отсутствии предсказуемых конструкций [1]. OWASP также предостерегает от формальной фиксации на составе символов и указывает на длину, блокировку популярных паролей и защиту от автоматизированного перебора [2, 5].

Актуальность исследования определяется тем, что цифровые привычки складываются в повседневной среде. Короткий пароль, один и тот же секрет для нескольких сервисов, дата рождения, имя, название колледжа повышают риск: компрометация одной учётной записи облегчает атаки на остальные [3].

Цель статьи — разработка и демонстрация методики оценки надёжности паролей студентов СПО, сочетающей анкетирование и формализованную проверку условных паролей по критериям стойкости.

Надёжность пароля — набор взаимосвязанных свойств. Первое — длина: увеличение длины расширяет пространство поиска, но не гарантирует стойкость, если пароль построен по известному шаблону. Второе — распространённость: NIST предлагает сверять пароль с часто используемыми и скомпрометированными значениями [1]. Третье — связь с персональной информацией: дата рождения, имя, номер группы облегчают угадывание. Четвёртое — уникальность: при утечке одной базы данных пара логин–пароль может быть проверена на других площадках (credential stuffing). OWASP выделяет многофакторную аутентификацию и ограничение попыток как меры противодействия [4]. Пятое — способ создания и хранения: менеджер паролей позволяет генерировать длинные уникальные значения; на стороне сервиса пароли не должны храниться в открытом виде, OWASP рекомендует Argon2id, scrypt или bcrypt [5].

Сформирована синтетическая выборка из 120 условных студентов СПО. Реальные пароли, адреса почты и логины не собирались и не анализировались. Модель состоит из двух частей: анонимное анкетирование (длина, повторное использование, менеджер паролей, MFA, персональные элементы) и проверка условных тестовых паролей по четырём критериям — длина, наличие шаблона, наличие персональной информации, уникальность. Введён пятибалльный индекс: 2 балла за достаточную длину, по 1 баллу за отсутствие шаблона, отсутствие персональных элементов и уникальность. Значения 4–5 баллов — условно высокая стойкость, 3 — промежуточная, 0–2 — низкая. Пороги длины:

- менее 8 символов — критическая зона;
- 8–11 — низкая; 12–14 — промежуточная;
- 15 и более — предпочтительный диапазон.

В таблице 1 приведены условные результаты анкетирования 120 студентов.

Таблица 1

Модельные результаты анкетирования студентов СПО

Показатель	Количество	Доля	Интерпретация
Один пароль для нескольких сервисов	86	71,7 %	Высокая распространённость повторного использования
Пароль менее 12 символов	73	60,8 %	Сниженная длина значительной части секретов
Имя, дата, учебное заведение или иной личный признак	51	42,5 %	Наличие предсказуемых персональных элементов
Очевидные клавиатурные или последовательные шаблоны	45	37,5 %	Риск словарного и шаблонного перебора
Менеджер паролей	35	29,2 %	Ограниченное применение автоматизированного управления секретами
MFA хотя бы для части важных сервисов	58	48,3 %	Многофакторная защита применяется не у большинства

Наиболее частый риск — повторное использование паролей (71,7 %). Это важно с точки зрения каскадного эффекта: утечка на одной площадке повышает угрозу для остальных учётных записей. Вторая группа рисков связана с длиной и предсказуемостью: 60,8 % используют секреты короче 12 символов, 42,5 % включают персонально связанные элементы. Эти доли нельзя переносить на реальных студентов без фактического исследования, однако они показывают, какие вопросы имеет смысл включать в анкету.

Отдельно следует отметить расхождение между представлением о «сложном» пароле и фактической стойкостью. Пользователь может считать конструкцию сложной из-за цифры и спецсимвола, хотя схема «слово + 123 + !» часто остаётся предсказуемой.

Для второй части модельного исследования сформирован набор из 120 условных паролей. Ни один из них не использовался в реальных аккаунтах. После проверки по установленным критериям получено распределение, представленное в таблице 2.

Таблица 2

Модельная классификация условных паролей

Категория	Количество	Доля	Основная причина
Критически слабые	32	26,7 %	Короткая длина, простые последовательности, распространённые шаблоны
Слабые	37	30,8 %	Недостаточная длина и/или предсказуемая структура
Промежуточные	34	28,3 %	Приемлемая длина, но сохраняется предсказуемость
Стойкие	17	14,2 %	Достаточная длина, отсутствие шаблонов и персональных элементов

57,5 % условных паролей попали в две нижние категории. Это не утверждение о фактическом уровне защищённости студентов СПО: показатель получен на искусственно сформированном наборе. Промежуточная группа (28,3 %) имеет относительно приемлемую длину, но содержит признаки предсказуемости. Условно стойкая категория (14,2 %) включает длинные уникальные секреты без явной связи с личными данными.

Сопоставление двух частей исследования показывает: основная проблема связана не с незнанием «набора символов», а с поведением пользователя. Повторное использование, привязка к персональным сведениям и шаблоны делают пароль более предсказуемым [1, 2].

Существенен и фактор удобства. Если от человека требуют запоминать множество сложных секретов, возникает стремление упростить их или использовать повторно. Поэтому обучение должно опираться на устойчивую практику: отдельный пароль для каждой важной учётной записи, менеджер паролей, MFA и своевременная смена скомпрометированных секретов. Пароль не следует рассматривать как единственный элемент безопасности: MFA снижает зависимость защиты от одного секрета, ограничение попыток затрудняет автоматизированный перебор, а хранение паролей должно выполняться корректно [4, 5].

Во-первых, для каждого значимого сервиса нужен отдельный пароль. Во-вторых, предпочтительны длинные пароли или парольные фразы, не являющиеся очевидными цитатами или личными сведениями. NIST рекомендует допускать длинные секреты, включая пробелы, и использовать блок-листы распространённых значений [1]. В-третьих, менеджер паролей снижает потребность придумывать похожие комбинации. В-четвёртых, для важных сервисов целесообразно включать MFA: она не превращает слабый пароль в сильный, но уменьшает последствия компрометации [4]. В-пятых, образовательным организациям не следует просить студентов присылать действующие пароли «на проверку» — для учебных целей достаточно условных строк. Наконец, при разработке внутренних систем целесообразно отказаться от избыточно формальных правил состава символов в пользу достаточной минимальной длины, проверки по перечню распространённых значений, защиты от автоматизированного

перебора, поддержки менеджеров паролей и MFA [1, 2].

Основное ограничение — синтетический характер количественных результатов: числа в таблицах 1 и 2 не получены в реальном опросе и не должны использоваться для статистического описания конкретной организации. Второе ограничение связано с самой оценкой стойкости: упрощённая балльная шкала не заменяет моделирование реального угадывания, а простые оценки энтропии могут быть недостаточными [6]. Третье — самоотчёты: участники могут неточно помнить длину или число повторно используемых паролей, а вопрос о безопасности способен вызывать социально желательные ответы.

Таким образом, оценка надёжности паролей студентов СПО должна включать несколько связанных параметров: длину, предсказуемость, распространённость, связь с персональными сведениями и уникальность. Проверка наличия цифры или спецсимвола не даёт полноценной картины стойкости. Современные рекомендации делают акцент на длинных секретах, блокировании распространённых и скомпрометированных значений, защите от автоматизированного перебора и многофакторной аутентификации [1, 2, 4]. Предложенная методика сочетает анонимное анкетирование и проверку условных секретов. Её преимущество — возможность учебного исследования без сбора действующих паролей. Для дальнейшей работы целесообразно провести реальное анонимное исследование в одной или нескольких образовательных организациях и сравнить результаты до и после занятия по информационной безопасности.

Список источников

1. Grassi P. A., Fenton J. L., Newton E. M. et al. Digital Identity Guidelines: Authentication and Lifecycle Management : NIST Special Publication 800-63B (includes updates as of 02.03.2020). — Gaithersburg, MD : National Institute of Standards and Technology, 2017. — DOI: 10.6028/NIST.SP.800-63b. — URL: https://pages.nist.gov/800-63-3/sp800-63b.html (дата обращения: 17.10.2026).

2. OWASP Foundation. Authentication Cheat Sheet // OWASP Cheat Sheet Series. — URL: https://cheatsheetseries.owasp.org/cheatsheets/Authentication_Cheat_Sheet.html (дата обращения: 17.10.2026).

3. Florêncio D., Herley C. A Large-Scale Study of Web Password Habits // Proceedings of the 16th International Conference on World Wide Web (WWW '07). — New York : ACM, 2007. — P. 657–666. — DOI: 10.1145/1242572.1242661.

4. OWASP Foundation. Credential Stuffing Prevention Cheat Sheet // OWASP Cheat Sheet Series. — URL: https://cheatsheetseries.owasp.org/cheatsheets/Credential_Stuffing_Prevention_Cheat_Sheet.html (дата обращения: 17.10.2026).

5. OWASP Foundation. Password Storage Cheat Sheet // OWASP Cheat Sheet Series. — URL: https://cheatsheetseries.owasp.org/cheatsheets/Password_Storage_Cheat_Sheet.html (дата обращения: 17.10.2026).

6. Weir M., Aggarwal S., de Medeiros B., Glodek B. Password Cracking Using Probabilistic Context-Free Grammars // 2009 30th IEEE Symposium on Security and Privacy. — IEEE, 2009. — P. 391–405. — DOI: 10.1109/SP.2009.8.

7. Bonneau J. The Science of Guessing: Analyzing an Anonymized Corpus of 70 Million Passwords // 2012 IEEE Symposium on Security and Privacy. — IEEE, 2012. — P. 538–552. — DOI: 10.1109/SP.2012.49.

8. Bonneau J., Herley C., van Oorschot P. C., Stajano F. The Quest to Replace Passwords: A Framework for Comparative Evaluation of Web Authentication Schemes // 2012 IEEE Symposium on Security and Privacy. — IEEE, 2012. — P. 553–567. — DOI: 10.1109/SP.2012.44.

© Баранов А.А., Шебаршина В.Г., 2026

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 330

ПАЕВЫЕ ИНВЕСТИЦИОННЫЕ ФОНДЫ: ВОЗМОЖНОСТИ ДЛЯ ИНВЕСТИРОВАНИЯ В 2025–2026 ГОДАХ

ЧИРВА МАРГАРИТА ДЕНИСОВНА
обучающаяся 3 курса направления подготовки 38.03.02 «Менеджмент»,
Ставропольский филиал Президентской академии

Научный руководитель: Тимофеева Светлана Николаевна
к.э.н., доцент кафедры Государственного, муниципального управления и менеджмента Ставропольского филиала Президентской академии

Аннотация: В статье рассматриваются паевые инвестиционные фонды как инструмент коллективного инвестирования и анализируются возможности их использования российскими инвесторами в 2025–2026 годах. Особое внимание уделяется видам ПИФ, преимуществам и рискам вложений, развитию регулирования рынка и критериям выбора фонда с учетом инвестиционных целей, срока вложения и допустимого уровня риска.
Ключевые слова: паевой инвестиционный фонд, коллективные инвестиции, управляющая компания, биржевой ПИФ, открытый ПИФ, закрытый ПИФ, инвестиционный пай, доходность, инвестиционные риски, финансовый рынок.

MUTUAL INVESTMENT FUNDS: INVESTMENT OPPORTUNITIES IN 2025–2026

Chirva Margarita Denisovna

Scientific supervisor: Timofeeva Svetlana Nikolaevna

Abstract: The article examines mutual investment funds as an instrument of collective investment and analyzes the opportunities they provide to Russian investors in 2025–2026. Particular attention is paid to the main types of mutual funds, investment opportunities and risks, regulatory developments, and the criteria for selecting a fund based on investment objectives, time horizon and risk tolerance.
Keywords: mutual investment fund, collective investment, management company, exchange-traded mutual fund, open-ended mutual fund, closed-end mutual fund, investment unit, return, investment risks, financial market.

Паевые инвестиционные фонды (ПИФ) - это форма коллективных вложений, при которой деньги множества инвесторов объединяются в общий имущественный комплекс и передаются в управление лицензированной управляющей компании (УК).

ПИФ не является юридическим лицом: это обособленный имущественный комплекс, сформированный из средств пайщиков и переданный в доверительное управление. Инвестор, покупая инвестиционный пай, получает право на долю в этом имуществе. Стоимость пая привязана к стоимости чистых активов фонда: если портфель дорожает, растет и цена пая; если дешевеет - падает, при этом никакой гарантированной доходности нет.

Управляющая компания самостоятельно принимает решения о покупке и продаже активов (ак-

ций, облигаций, денег, недвижимости и других разрешенных инструментов) в рамках инвестиционной декларации и правил доверительного управления. Деятельность УК контролируется специализированным депозитарием и регулируется Банком России.

Рост интереса к ПИФ в этот период связан с трансформацией российского финансового рынка: расширяется набор биржевых продуктов, растет финансовая грамотность населения, а инвесторы ищут альтернативу банковским депозитам. Дополнительный импульс дали развитие цифровых сервисов, повышение прозрачности отрасли и совершенствование регуляторных требований.

Банк России создал единую «витрину» с информацией обо всех ПИФ, доступных неквалифицированным инвесторам. В ней собраны ключевые параметры: тип фонда (открытый, закрытый, интервальный), стратегия управления (активная/пассивная), доходность за 12 месяцев, размер комиссий УК, а также надбавки и скидки. Данные обновляются ежемесячно и формируются на основе правил доверительного управления и отчетности фондов.

Процесс обычно выглядит так: инвестор выбирает подходящий фонд, изучает его правила, затем покупает паи через управляющую компанию, брокера или иную уполномоченную организацию. Дальше стоимость его вложений меняется вместе с результатами управления активами. При необходимости пай можно продать или погасить, если это разрешено типом фонда и его правилами.

Главная особенность ПИФ в том, что инвестор покупает не отдельную ценную бумагу, а долю в диверсифицированном портфеле, что позволяет распределить риски даже при небольшом стартовом капитале.

В отличие от депозита, у ПИФ нет фиксированной ставки и срока: доход зависит от рыночной конъюнктуры. При удачном сценарии доходность может превысить банковскую, но при падении стоимости активов инвестор может получить убыток.

В России действуют четыре основных типа паевых фондов, которые различаются условиями покупки/погашения паев, ликвидностью, структурой активов и горизонтом инвестирования:

- Открытый ПИФ (ОПИФ) - покупку и погашение паев можно оформить в любой рабочий день через УК.
- Биржевой ПИФ (БПИФ) - паи торгуются на бирже; купить/продать их можно в течение торговой сессии через брокерский счет, структура активов обычно следует за выбранным индексом.
- Интервальный ПИФ (ИПИФ) - операции с паями возможны только в строго определенные периоды (интервалы), обычно несколько раз в год, но не реже раза в год.
- Закрытый ПИФ (ЗПИФ) - паи покупаются преимущественно на этапе формирования фонда или при допэмиссии, а погашение возможно, как правило, только по окончании срока действия фонда (часто от 3 до 15 лет и более).

Таблица 1

Основные виды ПИФ и их особенности

Вид ПИФ	Основная особенность	Типичные активы	Уровень ликвидности	Подходящий горизонт
Открытый ПИФ	Приобретение и погашение паев осуществляется в установленные рабочие дни	Облигации, акции, денежные инструменты	Относительно высокий	От нескольких месяцев до нескольких лет
Биржевой ПИФ	Паи торгуются на бирже через брокерский счет	Акции, облигации, золото, индексы	Высокий при наличии спроса	От одного года и более
Интервальный ПИФ	Операции с паями возможны только в определенные периоды	Ценные бумаги и иные активы	Средний или низкий	От нескольких лет
Закрытый ПИФ	Паи обычно приобретаются на установленный срок, досрочный выход ограничен	Недвижимость, инфраструктура, непубличные активы	Низкий	Несколько лет и более

Главный плюс ПИФ — диверсификация: средства распределяются между множеством активов, эмитентов или объектов, что снижает зависимость от одного инструмента, но не устраняет общий рыночный риск.

• Облигационные фонды подходят тем, кто ищет умеренный риск и потенциальную доходность; важно учитывать срок бумаг, кредитное качество эмитентов, долю рискованных активов и комиссии, а также процентный риск при росте ставок.

• Фонды акций ориентированы на долгосрочный рост капитала, но их стоимость может сильно колебаться в течение года, поэтому они не подходят для коротких горизонтов.

• Фонды недвижимости (ЗПИФ) дают доступ к коммерческой недвижимости и проектам аренды/строительства без прямой покупки объектов; доход формируется за счет аренды и возможного роста стоимости, но выход из таких фондов часто затруднен.

В 2025 году Банк России опубликовал доклад о развитии регулирования розничных ПИФ, обсуждая меры по повышению привлекательности рынка и защите прав инвесторов, включая возможное расширение перечня доступных активов (в т.ч. неторгуемые бумаги и цифровые финансовые активы). Создана единая витрина данных о ПИФ для неквалифицированных инвесторов с информацией о типе фонда, стратегии, доходности за 12 месяцев, комиссиях, надбавках и скидках; данные обновляются ежемесячно. К середине 2026 года в России действовали тысячи паевых фондов с значительным объемом чистых активов, что подтверждает их роль в финансовой системе.

ПИФ не являются безрисковым инструментом:

• Рыночный риск — падение цен акций, облигаций и других активов портфеля;

• Процентный и кредитный риск — особенно для облигационных фондов (изменение ставок, ухудшение положения эмитента);

• Риск ликвидности — критичен для закрытых фондов, где быстрый выход может быть невозможен или возможен только с дисконтом;

• Комиссионные расходы — вознаграждение УК, расходы депозитария, надбавки и скидки снижают итоговую доходность, особенно на длинном горизонте.

Частая ошибка — выбор фонда только по прошлой доходности; важно также оценивать волатильность, структуру портфеля, срок жизни фонда и соответствие стратегии своим целям.

1. Определите цель (сохранение капитала на короткий срок vs долгосрочный рост) и горизонт инвестирования.
2. Выберите тип фонда: открытые/биржевые — для большей ликвидности, интервальные/закрытые — для долгосрочных стратегий.
3. Изучите правила фонда, структуру активов, порядок и сроки покупки/погашения, комиссии и ограничения.
4. Оцените собственное финансовое положение: не вкладывайте последние деньги, не используйте заемные средства, заранее сформируйте резерв на непредвиденные расходы.
5. Рассмотрите регулярное инвестирование небольшими суммами, чтобы сгладить влияние рыночных колебаний.

ПИФ могут стать эффективным элементом личного портфеля благодаря диверсификации, профессиональному управлению и широкому выбору стратегий, но их использование требует финансовой грамотности, осознанного отношения к риску и внимательного изучения информации перед вложением.

Список источников

1. Банк России. Витрина данных ПИФ открылась на сайте Банка России [Электронный ресурс]. — URL: https://cbr.ru/press/event/?id=32620 — Дата обращения: 29.09.2026.
2. Банк России. Перспективные направления развития регулирования розничных ПИФ: доклад для общественных консультаций. — Москва: Банк России, 2025. — 28 с.

3. Банк России. Перспективные направления развития регулирования розничных ПИФ [Электронный ресурс]. — URL: https://cbr.ru/Content/Document/File/184986/report_12112025.pdf — Дата обращения: 29.09.2026.

4. Банк России. Пенсионные фонды и коллективные инвестиции [Электронный ресурс]. — URL: https://cbr.ru/RSCI/ — Дата обращения: 29.09.2026.

5. Федеральный закон от 29.11.2001 № 156-ФЗ «Об инвестиционных фондах» // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2001. — № 49. — Ст. 4562.

6. Федеральный закон от 22.04.1996 № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг» // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1996. — № 17. — Ст. 1918.

7. Бочаров В. В. Инвестиции : учебник для вузов. — 2-е изд. — Санкт-Петербург : Питер, 2009. — 384 с. — ISBN 978-5-388-00658-5.

8. Ковалев В. В. Финансовый анализ: методы и процедуры. — Москва : Финансы и статистика, 2002. — 559 с. — ISBN 5-279-02354-X.

9. Шарп У. Ф., Александер Г. Дж., Бэйли Дж. В. Инвестиции : пер. с англ. — Москва : ИНФРА-М, 2001. — XII, 1028 с. — ISBN 5-86225-455-2.

10. Банк России. Основные направления развития финансового рынка Российской Федерации на 2025 год и период 2026 и 2027 годов [Электронный ресурс]. — Москва: Центральный банк Российской Федерации, 2024. — URL: https://cbr.ru/ — Дата обращения: 29.09.2026.

УДК 338

КАЧЕСТВО УСЛУГ КАК ФАКТОР КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ ПРЕДПРИЯТИЙ СФЕРЫ ОБСЛУЖИВАНИЯ

ГУЗАЕВА АНАСТАСИЯ АЛЕКСАНДРОВНА
студентка
Гуманитарно-педагогическая академия (филиал) ФГАОУ ВО «КФУ им. В.И. Вернадского» в г. Ялте

Аннотация: В статье рассматривается взаимосвязь экономического положения, экономической политики, производства, сферы услуг и ценообразования. Анализируется роль производства и сферы услуг, а также функции, виды и факторы формирования цен. Формулируется вывод о том, что все элементы образуют единую систему, где управление связывает экономическую политику с результатами производства, услуг и ценообразования.
Ключевые слова: экономическое положение, управление экономикой, цена, ценообразование, инфляция, сфера услуг, планирование.

QUALITY OF SERVICES AS A FACTOR OF COMPETITIVENESS OF SERVICE ENTERPRISES

Guzaeva Anastasia Alexandrovna

Abstract: The article examines the relationship between the economic situation, economic policy, production, services and pricing. The role of production and the service sector, as well as the functions, types and factors of price formation are analyzed. The conclusion is formulated that all elements form a single system, where management links economic policy with the results of production, services and pricing.
Key words: economic situation, economic management, price, pricing, inflation, services, planning.

Современная экономика – это многоуровневая система, в которой экономическая политика, планирование и управление производство, сфера услуг и ценообразование тесно связаны между собой. Соответственно ни один элемент не может существовать изолированно, изменение одного, неизбежно влияет на другой.

Актуальность темы обусловлена тем, что в условиях нестабильной мировой экономики, санкций, инфляционных колебаний возрастает потребность в эффективном управлении и планировании на всех уровнях. От того, насколько грамотно выстроена экономическая политика и насколько она реально отражает экономическое положение, зависит устойчивость производства, качество услуг, а также стабильность цен, что сейчас является большой проблемой.

Цель исследования – раскрыть взаимосвязь экономического положения, экономической политики, управления и планирования, производства и сферы услуг как единой неразрывной системы.

Задачи исследования:

–раскрыть понятие и методы оценки экономического положения;
–рассмотреть и охарактеризовать инструменты экономической политики;
–рассмотреть уровни и методы управления в экономической системе;
–изучить факторы формирования цен;
–доказать взаимосвязь всех элементов как единой системы.

Объект исследования – экономика, как система взаимосвязанных процессов.

Предмет исследования – экономическое положение, управление, планирование, услуги и цены в их взаимосвязи.

Экономическое положение представляет собой совокупную характеристику состояния экономический момент времени, отражающую уровень производства, занятости, цен, доходов и внешнеэкономических связей. Оно может оцениваться на макроуровне, мезоуровне и микроуровне.

Ключевыми индикаторами экономического положения является валовой внутренний продукт, индекс промышленного производства, уровень инфляции, показатели занятости и безработицы населения, а также реальные доходы населения.

По итогам 2025 года индекс промышленного производства вырос на 1,3% по сравнению с предыдущим годом, при этом обрабатывающая промышленность стала «спусковым крючком», увеличив выпуск на 3,6%[1, с. 2]. В декабре 2025 года произошел резкий темп роста промышленного производства до 3,7%, после 0,4% в ноябре это значительно улучшило ситуацию.

Исторически на рынке труда минимальный уровень зафиксирован – 2,2% при росте заработных плат[1, с. 9]. Инфляция по итогам 2025 года составила 5,6%, снизившись, по сравнению с результатами предыдущего года – 9,5%Б что стало минимальным значением с 2020 года[6, с. 1].

Экономическая политика представляет собой совокупность различных направлений, элементов, которые в совокупности формируют экономическую политику государства.

Последние события в мировой экономике заставляют в очередной раз пересматривать взгляды на роль государства в экономической системе. Мнения различны, но практически все имеют общий взгляд на то, что в период кризиса экономика государства должна возрастать. Кто-то рассматривает это как вынужденную меру, а кто-то закономерный долгосрочный период.

Изменение одного из элемента экономической системы неизбежно приводит к изменениям во всех остальных элементах.

Именно поэтому бывает сложно предсказать грядущие последствия воздействий государства на отдельные элементы экономики. Наиболее эффективным подходом к управлению экономикой является комплексный, он позволяет производить изменения сразу во всех сферах экономики, что дает более прогнозируемые последствия.

Однако в условиях ограниченности ресурсов и невозможности тотального контроля над всеми макроэкономическими процессами, государственное регулирование неизбежно смещается в сторону создания благоприятной институциональной среды. В этом контексте особое значение приобретает не столько прямое вмешательство, сколько формирование правил «игры», стимулирующих хозяйствующих субъектов к развитию. В современной экономике, где доля нематериального производства безостановочно растет, именно сфера обслуживания становится тем локомотивом, который способен «вытянуть» экономику из кризиса.

В отличие от промышленного производства, где конкуренция часто строится на ценовых факторах или технических характеристиках товара, в сфере услуг на первый план выходят иные критерии. Потребитель здесь оценивает не только конечный результат, но и сам процесс его получения[5, с. 312]. Именно поэтому в условиях ужесточения конкуренции, когда государство ищет точки роста, качество услуг превращается в ключевой фактор конкурентоспособности предприятий сферы обслуживания[4, с. 48].

Предприятия, сумевшие выстроить эффективную систему управления качеством, получают возможность не только удержать клиента, но и сформировать устойчивые конкурентные преимущества, которые сложно скопировать. Следовательно, качество услуг становится не просто желательной характеристикой, а способом выживания в современной экономической системе, где государственное регулирование и рыночные механизмы тесно переплетены.

Специфика сферы обслуживания заключается в том, что услуга, в отличие от материального товара, неотделима от процесса её оказания[1, с. 23]. Она потребляется в момент производства, а её качество формируется в точке контакта между производителем и потребителем. Это означает, что персонал предприятия, его компетентность, вовлечённость и клиентоориентированность становятся непосредственными носителями конкурентного преимущества. Ошибку в качестве услуги невозможно ис-

править на складе или переделать на конвейере – она либо предотвращена, либо уже нанесла урон восприятию потребителя.

Кроме того, услуги обладают свойством гетерогенности: даже один и тот же сотрудник в разных обстоятельствах может оказать услугу по-разному. Это создаёт дополнительные сложности в стандартизации качества и требует от предприятий сферы обслуживания выстраивания целостной системы управления, включающей подбор и обучение персонала, мотивацию, контроль и постоянную обратную связь с клиентом. Именно там, где такая система работает, возникает доверие потребителя – главный нематериальный актив сервисного предприятия.

В условиях, когда государство всё чаще рассматривает сферу услуг как источник занятости и добавленной стоимости, а конкуренция между сервисными предприятиями обостряется, качество услуги перестаёт быть второстепенным параметром. Оно превращается в фундамент, на котором строится репутация, лояльность клиентов и, в конечном счёте, долгосрочная конкурентоспособность предприятия.

Связь между качеством услуг и экономическими результатами предприятия не всегда лежит на поверхности, но она носит системный характер и проявляется через цепочку взаимозависимых эффектов.

Первое – рост выручки через удержание и привлечение клиентов. Исследования в сфере сервиса показывают, что стоимость удержания существующего клиента в несколько раз ниже стоимости привлечения нового. Высокое качество обслуживания формирует лояльность, а лояльный клиент возвращается, увеличивает частоту покупок и средний чек[7, с. 156]. Кроме того, он становится источником положительных рекомендаций, что снижает затраты на маркетинг и расширяет клиентскую базу без дополнительных вложений в рекламу.

Второе – сокращение издержек. Низкое качество услуги порождает скрытые потери: повторные обращения, возвраты, компенсации, жалобы, а также затраты на исправление ошибок. Чем выше качество на входе, тем меньше ресурсов тратится на устранение последствий брака в обслуживании. Предприятие, работающее по принципу «сделать правильно с первого раза», экономит время, трудозатраты и материалы.

Третье – ценовая устойчивость. Потребитель, удовлетворённый качеством услуги, менее чувствителен к цене. Он готов платить больше, если уверен в стабильном уровне сервиса. Это позволяет предприятию уходить от ценовых войн и формировать собственную ценовую политику, основанную на воспринимаемой ценности, а не на демпинге.

Четвёртое – рост производительности и мотивации персонала. Качественная услуга невозможна без вовлечённых сотрудников. Но существует и обратная связь: когда работник видит положительную реакцию клиентов и понимает, что его труд ценится, его мотивация растёт, снижается текучесть кадров. А значит, сокращаются расходы на подбор, обучение и адаптацию новых сотрудников.

Пятое – укрепление репутации и рыночной позиции. В долгосрочной перспективе качество услуги формирует бренд предприятия. Репутация становится барьером для входа конкурентов и активом, который сложно скопировать. Это отражается на инвестиционной привлекательности, возможностях привлечения партнёров и доступе к кредитным ресурсам на более выгодных условиях.

Таким образом, качество услуг не является абстрактной категорией – оно напрямую конвертируется в экономические показатели: выручку, издержки, прибыль, рентабельность и устойчивость предприятия на рынке. В условиях, когда государство ищет новые точки экономического роста, а конкуренция в сфере обслуживания усиливается, инвестиции в качество становятся не затратами, а стратегическим вложением в конкурентоспособность.

На практике влияние качества услуг на экономику предприятия измеряется через ряд количественных и качественных индикаторов:

– Коэффициент удержания клиентов (Customer Retention Rate) – доля потребителей, повторно обратившихся за услугой. Рост этого показателя на 5% способен увеличить прибыль на 25–95% в зависимости от отрасли

– Индекс лояльности (NPS - Net Promoter Score) – готовность клиента рекомендовать предприятие[2, с. 183]. Высокий NPS коррелирует со снижением затрат на привлечение и ростом выручки.

– Средний чек и частота покупок – удовлетворённый клиент тратит больше и чаще.

– Доля повторных обращений и возвратов – обратный показатель: чем он ниже, тем меньше потерь от некачественного сервиса.

– Затраты на исправление ошибок (Cost of Poor Quality) – включают компенсации, переделки, потерю времени персонала. Их снижение напрямую увеличивает прибыль.

– Производительность труда – качественно организованный процесс обслуживания сокращает время оказания услуги и повышает выработку на одного сотрудника.

– Текучесть кадров – косвенный показатель: стабильный коллектив, гордящийся качеством своей работы, обходится предприятию дешевле.

– Рентабельность продаж и рентабельность услуг – интегральный результат всех вышеперечисленных эффектов.

Качество услуг перестаёт быть узкой технической характеристикой и превращается в центральный элемент экономической устойчивости предприятия сферы обслуживания. Оно напрямую влияет на выручку через удержание и привлечение клиентов, снижает издержки за счёт сокращения ошибок и потерь, укрепляет ценовую позицию, повышает мотивацию персонала и формирует долгосрочную репутацию.

В условиях, когда государство всё активнее ищет точки роста в нематериальном производстве, а конкуренция в сервисе обостряется, именно качество становится тем фактором, который определяет конкурентоспособность предприятия. Инвестиции в качество услуг – это не дополнительная статья расходов, а стратегический ресурс, конвертируемый в конкретные экономические показатели: прибыль, рентабельность и устойчивое положение на рынке.

Список источников

1. Курочкина А. Ю. Управление качеством услуг : учебник и практикум для среднего профессионального образования / А. Ю. Курочкина. — 2-е изд., испр. и доп. — М. : Юрайт, 2025. — 172 с. — (Профессиональное образование). — ISBN 978-5-534-10556-8.

2. Верхошинский В. В., Ребязина В. А., Тымбай А. И. NPS как инструмент долгосрочного роста бизнеса // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. — 2026. — Т. 61, № 1. — С. 179–196. — URL: https://msuecon.elpub.ru/jour/article/view/1954/702 (дата обращения: 17.10.2026).

3. Лояльность пользователей розничных банковских услуг — 2026 : специальный проект / Аналитический центр НАФИ. — М., 2026. — URL: https://nafi.ru/projects/loyalnost-polzovateley-roznichnykh-bankovskikh-uslug-2026/ (дата обращения: 17.10.2026).

4. Reichheld F. F. The One Number You Need to Grow // Harvard Business Review. — 2003. — Vol. 81, № 12. — P. 46–54. — URL: https://hbr.org/2003/12/the-one-number-you-need-to-grow (дата обращения: 17.10.2026).

5. Фатхутдинов Р. А. Управление конкурентоспособностью организации : учебник / Р. А. Фатхутдинов. — 2-е изд., испр. и доп. — М. : Эксмо, 2005. — 544 с. — ISBN 5-699-11080-1.

6. ГОСТ Р 50646-2012. Услуги населению. Термины и определения. — Введ. 01.01.2014. — М. : Стандартинформ, 2014.

7. Котлер Ф., Келлер К. Л. Маркетинг менеджмент / Ф. Котлер, К. Л. Келлер ; пер. с англ. В. Кузина. — 15-е изд. — СПб. : Питер, 2018. — 844 с.

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 341.9

UNILATERAL ECONOMIC SANCTIONS AND THE RIGHT TO ACCESS JUSTICE: LEGAL BARRIERS IN CROSS-BORDER COMMERCIAL ARBITRATION

ZAHRA ASVAR
graduate of the legal profession
Islamic University
Azad, Iran

Аннотация: Исследуется влияние односторонних экономических санкций на доступ к международному коммерческому арбитражу. На основе правового анализа международных документов, европейских и британских регуляторных материалов и судебного решения разграничиваются разрешение юридических услуг, оплата арбитражных расходов и получение присужденных средств. Предлагается оценивать конкретное препятствие, доступность законного способа его устранения и последствия для процессуального равенства до изменения согласованного порядка разрешения спора.
Ключевые слова: экономические санкции, доступ к правосудию, международный коммерческий арбитраж, процессуальное равенство, арбитражные расходы, разрешение споров.

ОДНОСТОРОННИЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ САНКЦИИ И ПРАВО НА ДОСТУП К ПРАВОСУДИЮ: ПРАВОВЫЕ БАРЬЕРЫ В ТРАНСГРАНИЧНОМ КОММЕРЧЕСКОМ АРБИТРАЖЕ

Захра Асвар
выпускница юридической специальности
Исламский университет
Азад, Иран

Abstract: This article examines when sanctions-related restrictions become barriers to effective participation in commercial arbitration. A focused doctrinal study of international arbitration instruments, selected European and UK regulatory materials and a judicial decision distinguishes permission to provide services, permission to fund proceedings and permission to receive an award. It proposes an evidence-based assessment of the impediment, lawful alternatives and procedural prejudice before sanctions justify departure from the agreed dispute resolution process.
Keywords: economic sanctions, access to justice, international commercial arbitration, procedural equality, arbitration costs, dispute resolution.

Introduction and research method

An arbitration clause offers little practical protection if a party cannot pay the institution or obtain representation. Chobotova and Kholmatov identify financial barriers and jurisdictional fragmentation as threats to procedural integrity [1, pp. 56–59]. Starzhenetskiy and Ochirova explain that preserving the agreed forum protects legal certainty, while moving disputes domestically may create difficulties abroad [2]. The resulting problem is how to protect participation without treating every sanctions connection as proof that arbitration is unavailable.

This article asks what evidence should justify procedural relief when sanctions obstruct cross-border commercial arbitration. It compares selected EU and UK approaches through documentary legal analysis, using treaties, legislation, regulatory guidance, institutional practice and one illustrative judgment. These materials are purposively selected for their relevance to funding, representation and forum protection; they are not a comprehensive survey of sanctions regimes. No interviews, confidential case files or statistical observations are used. The proposed framework is a normative contribution, not an empirically validated test.

Here, unilateral sanctions include autonomous measures adopted by a state or regional organisation outside a UN Security Council mandate. Their general legality is outside the inquiry. The analysis concerns commercial arbitration, rather than treaty-based investor–state proceedings, and separates restrictions on participation from the substantive legality of the underlying transaction.

The legal basis of effective participation

Article 18 of the UNCITRAL Model Law requires equal treatment and a full opportunity for each party to present its case. Articles 34(2)(a)(ii) and 36(1)(a)(ii) address inability to present a case at the setting-aside and enforcement stages [3]. The Model Law is a legislative model, not a universally binding treaty; its operation depends on the applicable national enactment. Article V(1)(b) of the New York Convention separately permits refusal of recognition and enforcement where the resisting party proves an inability to present its case [4]. Neither instrument makes sanctions exposure an independent, automatic ground for invalidating an award.

Human rights analysis requires similar care. The European Court of Human Rights Registry distinguishes voluntary from compulsory arbitration and explains that consent to arbitrate does not necessarily waive every Article 6 guarantee. Its synthesis also identifies the role of domestic judicial review [5, pp. 1–4]. These principles concern the responsibility of Convention states within the applicable jurisdictional limits; they do not directly bind every private tribunal worldwide. For present purposes, access to justice means a meaningful opportunity to pursue or defend a claim through a legally available process, rather than immunity from sanctions or entitlement to a favourable award.

Three distinct barriers to arbitration

First, permission to provide legal services must be distinguished from payment. Article 4(1)(b) of Regulation 269/2014 provides a route for competent authorities to authorise funds intended exclusively for reasonable professional fees or expenses associated with legal services [6]. Such authorisation is conditional, rather than an unrestricted release of assets. The European Commission's January 2026 guidance also explains the defence and procedural-access exceptions in Article 5n(5)–(6) of Regulation 833/2014 [7]. A services exception does not by itself establish that every proposed transfer of frozen funds is permitted.

Second, arbitration funding requires a usable payment route. The UK Arbitration Costs General Licence INT/2025/5787748, amended on 16 July 2026, permits defined payments and processing under the Russia and Belarus regimes. It covers arbitration costs up to £500,000, including applicable VAT, per arbitration and imposes reporting and record-keeping conditions [8, paras. 3–8]. This is a concrete accommodation of procedural access within sanctions administration. Its permissions remain bounded by its definitions and terms and do not supply authorisation under unrelated sanctions regimes.

Third, conducting proceedings differs from receiving their proceeds. OFSI explains that the arbitration-costs licence does not authorise making damages or costs awarded to a designated person available to that person; a specific licence is required. It also distinguishes the arbitrator's costs from professional legal fees [9, FAQ 179]. Consequently, a party may be able to fund and argue a case while remaining unable immediately to receive the resulting award. Conversely, difficulty collecting an award does not necessarily prove an inability to participate in the hearing.

Institutional practice reveals a further gap between legal permission and operational access. VIAC states that payment clearance may delay proceedings, that regulatory approval is not guaranteed, and that banks may apply additional compliance restrictions [10, section II(e)]. A rejected transfer therefore requires investigation. The institution should identify whether the cause is a binding prohibition, an incomplete authorisation, a bank's risk policy or missing documentation. Those causes call for different responses. An assertion that payment is impossible, without identifying the affected transfer and attempted lawful route, gives a tribunal too little information to design proportionate relief.

Forum protection and the risk of fragmentation

UniCredit Bank GmbH v RusChemAlliance LLC illustrates the jurisdictional dimension. The bonds provided for ICC arbitration in Paris and were governed by English law. Following sanctions-related refusals of payment, RusChem brought Russian proceedings. The UK Supreme Court described the operation of Russian procedural provisions relied upon and upheld English jurisdiction to grant anti-suit relief protecting the arbitration agreements [11, paras. 3–8, 72–80, 104–113]. The judgment concerned forum protection, not a final decision on the bank's liability or the legality of paying the bonds.

The case should not be treated as proof that every sanctioned party can obtain effective access to every foreign institution. Nor does it establish that sanctions have no procedural consequences. It shows how competing judicial responses can generate another dispute over where the commercial claim should be heard. The author's inference is that a workable payment and representation process may reduce incentives to seek a substitute forum. That proposition warrants empirical investigation; the judgment alone does not demonstrate it.

A proposed assessment of sanctions-related impediments

A tribunal should begin by identifying the impediment precisely. The applicant should explain the relevant restriction, its connection to the party or transaction, the blocked procedural step and its timing. Supporting material might include a bank rejection, an institutional payment request or a regulator's response. Sensitive compliance information can be protected through appropriate confidentiality measures. Nationality or incorporation alone should not substitute for evidence of an actual obstacle.

The next question is whether lawful, reasonably available measures can restore access. Possibilities include a properly scoped licence application, clarification from the institution, an authorised alternative payment channel or an adjusted timetable. The party should document reasonable efforts, while the tribunal should consider whether the application process itself makes the existing deadline unrealistic. No party should be required to conceal ownership, misdescribe payments or route funds through intermediaries to evade restrictions. Equally, an unsupported claim of difficulty should not secure indefinite delay.

The tribunal should then assess procedural prejudice and the least disruptive response within its powers. It should ask which evidence, submissions or representation the party cannot obtain and how that affects its opportunity to be heard. A time-limited adjournment with a review date may address a pending authorisation. A remote hearing may resolve travel difficulties but cannot cure an unlawful payment. Any alternative funding arrangement requires scrutiny under the governing rules and applicable sanctions. Modification of the agreed forum requires a valid legal basis or party agreement; administrative convenience cannot create jurisdiction.

Finally, the tribunal should record the obstacle, the parties' submissions, the mitigation considered and the reasons for its order. The same inquiry should be revisited if designation, payment permissions or banking arrangements change. A reasoned record assists subsequent judicial scrutiny and distinguishes genuine exclusion from strategic non-participation. It cannot guarantee enforcement or predetermine the enforcing court's analysis under Article V(1)(b).

This approach has costs. Detailed inquiries may consume time, expose commercially sensitive information and create tactical opportunities. Tribunals should therefore request only material relevant to the blocked step, impose proportionate deadlines and reassess relief at defined intervals. A verified obstacle merits a practical response; general geopolitical disadvantage is too broad a criterion. The counterparty's interest in timely resolution must remain part of the assessment.

Institutional reform and research limitations

Institutions could publish a clear procedure identifying the compliance contact, required documents, payment-review stages and treatment of deadlines during regulatory review. Regulators could coordinate clearer guidance on arbitration costs, representation and award payments while retaining controls against prohibited transfers. These are recommendations rather than descriptions of a harmonised existing regime. They address the discontinuity between permission, bank processing and procedural time limits without proposing a blanket arbitration exemption.

The findings are limited by the selected jurisdictions and the availability of published materials. Confidential commercial proceedings prevent this study from measuring the frequency of rejected payments or comparing licence-processing times. The EU and UK examples cannot be transferred automatically to Iranian

parties or US sanctions. Future empirical research should examine anonymised payment refusals, authorisation timelines and the procedural relief actually granted, while distinguishing regulatory prohibitions from voluntary bank restrictions.

Conclusion

Effective access to arbitration depends on several legally distinct permissions. Permission to provide services, fund proceedings and receive an award must be examined separately. A sanctions connection alone neither proves procedural exclusion nor resolves whether the agreed forum remains workable. The proposed assessment asks for evidence of the specific impediment, reasonable lawful mitigation and resulting prejudice, followed by a proportionate, reasoned procedural response. This offers a defensible way to protect participation while respecting applicable restrictions and the parties' agreement.

Список источников

1. Chobotova A., Kholmatov D. The Impact of Sanctions on the Procedural Aspects of Arbitration // HSE University Journal of International Law. — 2025. — Vol. 3, № 4. — P. 56–74. — Published online: 26.02.2026. — DOI: 10.17323/jil.2025.31994.

2. Starzhenetskiy V., Ochirova S. The Impact of Sanctions on the Resolution of International Business Disputes: Maintaining the Status Quo or Looking for Alternative Jurisdictions? // Mezhdunarodnoe pravosudie (International Justice). — 2020. — Vol. 10, № 4. — P. 144–167. — DOI: 10.21128/2226-2059-2020-4-144-167.

3. UNCITRAL. UNCITRAL Model Law on International Commercial Arbitration (1985), with Amendments as Adopted in 2006. — Arts. 18, 34, 36. — URL: https://uncitral.un.org/en/texts/arbitration/modellaw/commercial_arbitration (дата обращения: 15.10.2026).

4. United Nations. Convention on the Recognition and Enforcement of Foreign Arbitral Awards (New York, 10 June 1958). — Art. V(1)(b). — URL: https://www.newyorkconvention.org/english (дата обращения: 15.10.2026).

5. European Court of Human Rights. Key Theme — Article 6 (Civil): Arbitration / ECHR Registry. — Updated 28.02.2026. — P. 1–4. — URL: https://ks.echr.coe.int/documents/d/echr-ks/arbitration (дата обращения: 15.10.2026).

6. Council of the European Union. Council Regulation (EU) No 269/2014 of 17 March 2014 Concerning Restrictive Measures in Respect of Actions Undermining or Threatening the Territorial Integrity, Sovereignty and Independence of Ukraine. — Consolidated version of 23.10.2025. — Arts. 2, 4(1)(b). — URL: https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2014/269/2025-10-23/eng (дата обращения: 15.10.2026).

7. European Commission. Frequently Asked Questions on Provision of Services Concerning Sanctions Adopted Following Russia's Military Aggression Against Ukraine. — Updated 22.01.2026. — Art. 5n(5)–(6) of Council Regulation (EU) No 833/2014. — URL: https://finance.ec.europa.eu/publications/provision-services_en (дата обращения: 15.10.2026).

8. Office of Financial Sanctions Implementation (OFSI). General Licence INT/2025/5787748: Arbitration Costs. — Issued 28.03.2025; amended 16.07.2026. — Paras. 3–9. — URL: https://www.gov.uk/government/publications/ofsi-general-licence-int20255787748 (дата обращения: 15.10.2026).

9. Office of Financial Sanctions Implementation (OFSI). UK Financial Sanctions FAQs. — Updated 09.10.2026. — URL: https://www.gov.uk/government/publications/uk-financial-sanctions-faqs/uk-financial-sanctions-faqs (дата обращения: 15.10.2026).

10. Vienna International Arbitral Centre (VIAC). VIAC Note on Sanctions. — Section II(e): How Are Payments Affected by Sanctions? — URL: https://www.viac.eu/en/rules-and-tools-at-a-glance/resources-at-a-glance/viac-note-on-sanctions/ (дата обращения: 15.10.2026).

11. UK Supreme Court. UniCredit Bank GmbH v RusChemAlliance LLC [2024] UKSC 30 : Judgment of 18 September 2024. — Paras. 3–8, 72–80, 104–113. — URL: https://www.supremecourt.uk/cases/judgments/uksc-2024-0015 (дата обращения: 15.10.2026).

© Z. Asvar, 2026

УДК 340

ОТМЕНА ДАРЕНИЯ: ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

КОШЕЛЕВА ТАТЬЯНА ЕВГЕНЬЕВНА
магистрант
Дальневосточный филиал ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия»

Научный руководитель: Корнилова Наталья Викторовна
к.ю.н., доцент
Дальневосточный филиал ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия»

Аннотация: В статье рассматриваются отдельные основания отмены дарения, такие, в частности, как обращение одаряемого с подаренной вещью, представляющей для дарителя большую неимущественную ценность, что создает угрозу ее безвозвратной утраты. Выявляются пробелы и проблемы, сопряжённые с применением оснований отмены дарения, предусмотренные ст. 578 ГК РФ; анализируются примеры из судебной практики.
Ключевые слова: дарение, отмена, даритель, одаряемый, неимущественная ценность, безвозвратная утрата, банкротство

REVOCATION OF A GIFT: SELECTED ASPECTS OF THEORY AND PRACTICE

Kosheleva Tatyana Yevgenyevna

Scientific adviser: Kornilova Natalya Viktorovna

Abstract: The article examines specific grounds for the revocation of a gift—such as the donee's treatment of a gifted item that holds significant non-pecuniary value for the donor, thereby creating a risk of its irretrievable loss. It identifies gaps and issues associated with the application of the grounds for revocation stipulated in Article 578 of the Civil Code of the Russian Federation and analyzes examples from judicial practice.
Key words: gift, revocation, donor, donee, non-pecuniary value, irretrievable loss, bankruptcy.

По общему правилу даритель не имеет права отменить дарение, вернуть себе дар, вне зависимости от своего желания, изменения обстоятельств и т.д. Однако в жизни могут происходить различные казусы, которые приводят к тому, что предмет дарения необходимо вернуть, так как в результате дарения происходят негативные имущественные или моральные последствия

Вместе с тем законом предусмотрены специальные основания, при которых отмена дарения возможна (ст. 578 ГК РФ). Более подробно хотелось бы остановиться на некоторых их них.

Так, является основанием для отмены дарения обращение одаряемого с подаренной вещью, представляющей для дарителя большую неимущественную ценность, что создает угрозу ее безвозвратной утраты (п. 2 ст. 578 ГЕ РФ).

Данное основание исходит из идеи недопустимости несения дарителем страданий в результате передачи дара одаряемому. Как пишут А.С. Дудина и Е.Н. Ялунина: «Основанием применения такой санкции является не правонарушение как таковое, а именно нарушение норм морали, диктующих бережное обращение с подаренной вещью, которая представляет для дарителя большую неимущественную ценность, сохранение чувства благодарности и уважения к тому, кто ее подарил» [1, с. 75].

Для применения исследуемого основания необходимо одновременное наличие двух условий: подаренная вещь представляет для дарителя большую неимущественную ценность и характер обращения одаряемого с этой вещью создает угрозу ее безвозвратной утраты. Бремя доказывания условий ежит на дарителе.

В силу субъективного характера понятия «неимущественная ценность» закон не содержит конкретных признаков, при которых вещь будет представлять большую ценность для дарителя. В частности, согласно позиции Верховного Суда Республики Адыгея «О неимущественной ценности вещи для дарителя может свидетельствовать, например, то обстоятельство, что имущество передавалось из поколения в поколение и получено дарителем в наследство, дорого ему как память и т.п.» [2].

Аналогична ситуация и с поведением одаряемого, создающим угрозу безвозвратной утраты подаренной вещи. Законодательство не раскрывает данное понятие. Из имеющейся формулировки можно выделить только один классифицирующий признак: должна существовать угроза именно безвозвратной утраты вещи, а не временной. Так, например, Панинский районный суд Воронежской области отменил договор дарения земельного участка и музея, расположенного на нём. В части обоснования большой ценности дара для дарителя суд привел следующие суждения: «Музей под открытым небом «Деревенька 17-19 веков» представляет для дарителя - истца Б. большую неимущественную ценность в связи с значительными личными вложениями труда и денежных средств в его создание, приобретения этим музеем известности и туристской популярности, а также исторической ценностью». Об угрозе же утраты музея свидетельствовало то, что, «как следует из объяснений истца в исковом заявлении и не отрицается ответчиком, в связи с недостатком финансирования ответчиком музея под открытым небом «Деревенька 17-19 веков» существует реальная угроза безвозвратной утраты экспонатов музея. Утрата экспонатов приведет к утрате самого музея под открытым небом «Деревенька 17-19 веков», представляющего собой единый имущественный комплекс. Ненадлежащее состояние некоторых экспонатов зафиксировано фотоматериалами» [3].

В уже упомянутом апелляционном определении № 33-2861/2025 М-1900/2025 от 24.12.2025 г. Верховный Суд Республики Адыгея указал, что об угрозе безвозвратной утраты дома свидетельствовало следующее: «Ответчик зарегистрирован и проживает в спорном жилом помещении и является его единственным жильем. Произведя отчуждение 1/2 доли жилого дома и 1/2 доли земельного участка, тем самым он произвел перевод имущества на другое лицо, дробление его на доли, что ставит под угрозу безвозвратной утраты подаренной вещи, тем самым одаряемый распорядился имуществом недобросовестно, злоупотребляя правом» [2].

Стоит отметить, что приведенное апелляционное определение в части вывода суда об угрозе утраты в виде дробления права собственности на дом и земельный участок с их последующей продажей является исключением из общей практики, обусловленным, как мы полагаем из содержания судебного акта, очевидно недобросовестным поведением одаряемого (ответчика). По общему правилу, сама по себе продажа объекта недвижимости не признается судами в качестве безвозвратной утраты по смыслу, вкладываемом в это понятие п. 2 ст. 578 ГК РФ, это является ничем иным, как использованием предоставленного собственнику правомочия по распоряжению имуществом, как таковой гибели вещи при этом не происходит [4].

Следующим условием отмены дарения, не вытекающим из буквального прочтения п. 2 ст. 578 ГК РФ, но необходимым для защиты интересов одаряемого, является установление факта того, что одаряемому известно, какую ценность представляет для дарителя предмет договора [5]. Только в этом случае на одаряемого может быть возложена обязанность бережно относиться к дару и обеспечивать его сохранность.

Важно понимать, что ценность дара должна иметь именно неимущественный характер, его денежная оценка значения не имеет [6].

Количество удовлетворенных дел по анализируемому основанию незначительно, особенно если даром является недвижимость. Утверждения истцов о «смысле жизни, семейной реликвии, значительных временных затратах для строительства» сами по себе, без приведения объективных доказательств этому, достаточными для отмены дарения не являются [7].

Относится к основаниям отмены дарения случай, когда дарение было совершено индивидуальным предпринимателем или юридическим лицом в нарушение положений закона о несостоятельности (банкротстве) за счет средств, связанных с его предпринимательской деятельностью, в течение шести месяцев, предшествовавших объявлению такого лица несостоятельным (банкротом).

Данное основание, в отличие от ранее рассмотренных, никак не связано с моральным аспектом. Оно проистекает из необходимости ограничения возможностей должника по распоряжению имуществом в ущерб интересам кредиторов, предусмотренной Федеральным законом от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее по тексту - ФЗ «О банкротстве») [8].

Как известно, для недобросовестных должников характерны действия по выводу имущества организации перед банкротной процедурой в целях избегания его реализации в ходе конкурсного производства. Дарение как раз-таки и является одной из форм таких действий по выводу активов, ведь оно опосредует их передачу третьим лицам [9, с. 15].

Поскольку при данном основании в качестве недобросовестного лица предполагается сам даритель, право на отмену дарения принадлежит третьим, так называемым заинтересованным лицам, к которым ФЗ «О банкротстве» относит кредиторов, арбитражных управляющих и участников общества. Вместе с тем много вопросов возникает и в части корреляции норм ГК РФ и ФЗ «О банкротстве», что требует специального исследования.

Следующим основанием отмены дарения является случай, когда даритель переживет одаряемого при наличии соответствующего условия в договоре дарения. Данное основание является наиболее простым и может быть реализовано при соблюдении двух простых условий – смерть одаряемого до дарителя и наличие указания на это событие в договоре, как на основание для отмены дарения.

Отмена дарение по этому основанию формально может быть произведена во внесудебном порядке. Как по этому поводу указал Ленинский районный суд г. Краснодара: «При этом в отличие от случаев отмены дарения, предусмотренных пунктами 2-3 статьи 578 ГК РФ, когда отмена дарения осуществляется на основании судебного акта… пункт 4 этой же статьи предусматривает возможность для дарителя отменить дарение без судебного решения только на основании факта смерти одаряемого при наличии в договоре дарения соответствующего условия» [10].

Таким образом, на основании вышеизложенного можно сделать вывод, что вопросы отмены дарения все чаще становятся предметом рассмотрения судов, что требует надлежащего правового регулирования с целью недопущения разночтений при толковании отдельных положений ст. 578 ГК РФ. В то же время нельзя не отметить позитивную роль института отмены дарения в отечественном гражданском праве, так как он прежде всего позволяет защитить интересы сторон при различных неблагоприятных обстоятельствах. И соответственно гармонизировать отношения между субъектами договора дарения.

Список источников

1. Дудина, А. С. Правовые проблемы договора дарения / А. С. Дудина, Е. Н. Ялунина // Экономика, право и образование в условиях риска и неопределенности: тенденции и перспективы развития : материалы Международной научно-практической конференции, Нижний Тагил, 25 февраля 2016 года. – Нижний Тагил: Уральский государственный экономический университет, 2016. – С. 73-78. – EDN WDJIMP.

2. Апелляционное определение Верховного суда Республики Адыгея от 24.12.2025 г. по делу № 33-2861/2025. – Режим доступа: URL https://sudact.ru/regular/doc/h0DnJF1BdmVH/?ysclid=mush74q11n645326847 (дата обращения: 09.08.2026).

3. Решение Панинского районного суда Воронежской области от 04.04.2023 по делу 2-э62/2023. – Режим доступа: URL https://www.zakonrf.info/gorsud/doc-dab97b25-8dde-5ef6-859e-1e51010a8ee1/(дата обращения: 09.08.2026).

4. Решение Хабаровского районного суда Хабаровского края от 24.08.2023 по делу № 2-1753/2023. – Режим доступа: URL: https://www.zakonrf.info/gorsud/doc-6fd7ac8d-128e-5b37-a22c-d3dd42395cb6/#2 (дата обращения: 11.08.2026).

5. Решение Междуреченского районного суда Вологодской области от 08.10.2020 по делу № 2-86/2020. – Режим доступа: URL: https://sudact.ru/regular/doc/U7TAxsGOa7Wh/?ysclid=musi75sa1q213005034 (дата обращения: 11.08.2026).

6. Решение Евпаторийского городского суда Республики Крым от 29.07.2021 по делу № 2-1011/2021. – Режим доступа: URL: https://sudact.ru/regular/doc/mFUC53zVa11r/#2 (дата обращения: 11.08.2026).

7. Решение Октябрьского районного суд г. Липецка Липецкой области от 21.01.2025 по делу № 2-3248/2024. – Режим доступа: URL: https://sudact.ru/regular/doc/lADIb8KZMPWC/#2 (дата обращения: 12.08.2026).

8. Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» // СЗ РФ. 2002. № 43. Ст. 4190.

9. Пономаренко В. О. Актуальные проблемы договора дарения // Вопросы студенческой науки. – 2023. - №3 (79).

10. Решение Ленинского районного суда г. Краснодара Краснодарского края от 14.04.2025 по делу №2-1664/2025. – Режим доступа: URL: https://www.zakonrf.info/gorsud/doc-e205c992-c786-52c4-8b7f-555dd53a8854/?ysclid=musahi39eh675538589 (дата обращения: 13.08.2026).

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 373.24

ИНКЛЮЗИВНЫЙ ПОДХОД К ДЕТЯМ С ПРЕДПОСЫЛКАМИ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ В ДОШКОЛЬНОМ ОБРАЗОВАНИИ

КАСЬКО СОФИЯ ГРИГОРЬЕВНА
студент
ФГБОУ ВО «Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева»

Аннотация: статья посвящена профилактике девиантного поведения у старших дошкольников в инклюзивной среде. Автор рассматривает инклюзию не только как доступ к образованию для детей с ограниченными возможностями здоровья, но и как условие, снижающее риск закрепления нежелательных поведенческих реакций. В работе разбираются трудности адаптации дошкольников с особыми образовательными потребностями – в том числе тех, чьи особенности связаны с поведенческой саморегуляцией, – а также описываются этапы включения таких детей в группу и приёмы, помогающие этому процессу идти успешно.
Ключевые слова: инклюзивное образование, девиантное поведение, дошкольный возраст, дети с особыми образовательными потребностями, адаптация, профилактика, поведенческие трудности.

INCLUSIVE APPROACH TO PRESCHOOL CHILDREN WITH PRECURSORS OF DEVIANT BEHAVIOUR

Kasko Sofia Grigorievna

Abstract: the article deals with the prevention of deviant behaviour in senior preschoolers within an inclusive environment. The author views inclusion not only as access to education for children with disabilities but also as a condition that reduces the risk of reinforcing undesirable behavioural reactions. The paper examines the difficulties of adaptation of preschoolers with special educational needs, including those whose peculiarities relate to behavioural self-regulation, and describes the stages of their inclusion in a group along with techniques that help this process succeed.
Key words: inclusive education, deviant behaviour, preschool age, children with special educational needs, adaptation, prevention, behavioural difficulties.

Слово «инклюзия» чаще всего звучит в связке с детьми, у которых есть ограничения по здоровью. Это понятно и привычно. Но если присмотреться внимательнее, становится видно, что инклюзивный принцип охватывает куда более широкий круг детей – тех, чьи образовательные потребности по разным причинам не совпадают с типичными. Среди них оказываются и дошкольники, которым трудно управлять своим поведением. Диагноза у них ещё нет, но уже заметны вспышки раздражения, неумение ждать, склонность отвечать агрессией там, где другой ребёнок просто отойдёт в сторону. Бывает и наоборот – замкнутость, избегание контакта, отказ от участия в общих играх. Такие проявления часто оказываются первым звонком, сигналом того, что поведение начинает отклоняться от нормы. Именно поэтому инклюзивная среда перестаёт быть просто организационной формой и превращается в фактор профилактики.

В научной литературе дети с особыми образовательными потребностями рассматриваются как неоднородная группа, куда входят разные категории с присущими им особенностями развития [3]. Ин-

клюзивное образование в этом контексте понимается не как простое перемещение ребёнка в обычную группу, а как первый шаг к обществу, в котором различия между людьми воспринимаются спокойно, без ярлыков [1]. Для профилактики девиантного поведения такая установка важна принципиально: она снимает с ребёнка клеймо «трудного» и перекладывает ответственность за успешность его социализации на образовательную среду, а не на самого дошкольника.

Адаптация детей с особыми образовательными потребностями к инклюзивной группе имеет свою специфику. Она связана с тем, что ребёнок оказывается как бы между двумя средами. Одна – ближняя, толерантная к его особенностям, где ему проще существовать и развиваться. Другая – более широкая, социальная, которая включает первую, но при этом не учитывает индивидуальных ограничений [3]. Для дошкольника с предпосылками девиантного поведения это расщепление оборачивается дополнительной нагрузкой: успех его социализации зависит от того, сумеют ли педагоги согласовать требования разных сред так, чтобы ребёнок не чувствовал себя постоянно не на своём месте.

Исследования показывают, что адаптация таких детей сопровождается целым комплексом трудностей, которые тесно переплетены между собой. Коммуникативные барьеры выражаются в ограничениях вербального и невербального общения. Поведенческие нарушения проявляются в дезадаптивных реакциях и в том, что социально приемлемые формы поведения у ребёнка просто не сформированы. Эмоциональные барьеры – это повышенная тревожность и сложности с формированием позитивного представления о себе [3]. Связь здесь прямая: ребёнок, который не умеет словами выразить обиду или страх, чаще пускает в ход кулаки; ребёнок, живущий в постоянной тревоге, старается держаться в стороне и замыкается, а это тоже мешает ему войти в коллектив.

Ценность инклюзивного подхода для профилактики девиантного поведения состоит в том, что он переносит акцент с исправления ребёнка на переустройство среды. Педагог не добивается от дошкольника соответствия неким внешним стандартам, а создаёт условия, при которых особенности ребёнка не мешают ему участвовать в жизни группы. Формирование инклюзивного пространства в детском саду строится на партнёрстве педагогов и семей воспитанников. Это не просто информирование родителей, а выстраивание долгих доверительных отношений, в которых семья становится полноценным участником образовательного процесса [2].

Практика дошкольных организаций показывает, что включение детей с поведенческими трудностями идёт успешнее, если организовано поэтапно. Технологии комплексного сопровождения предполагают несколько стадий: сначала диагностическое включение, когда ребёнок вместе с родителями приходит на праздники и досуговые мероприятия как зритель или участник; затем частичное включение, когда он посещает группу по индивидуальному графику; и наконец полное включение, когда он находится в группе наравне со всеми и к нему предъявляются те же требования, что и к остальным детям [4]. Последнее принципиально: инклюзия не означает снижения требований, она означает создание условий, при которых ребёнок может эти требования выполнить.

Немало зависит от развивающей среды. Для ребёнка с поведенческими трудностями особенно важны предсказуемость и понятность режима. В детских садах нередко используют визуальные опоры – простые картинки, которые показывают, что будет дальше. Это снижает тревогу, связанную с неопределённостью, и помогает детям, склонным к импульсивным реакциям. Приёмы эти не требуют специального оборудования, но работают хорошо. Комплексное сопровождение при этом строится не вокруг отдельного ребёнка, а вокруг всей группы – так удаётся избежать стигматизации и сохранить естественный характер детских отношений [4].

Отдельная тема – работа с родителями. Когда речь идёт о детях с предпосылками девиантного поведения, позиция семьи приобретает особый вес, ведь именно в семейном общении нередко закрепляются те способы реагирования, которые потом переносятся в детский коллектив. Партнёрство педагогов и семей предполагает просвещение родителей, повышение их педагогической культуры и индивидуальную работу, направленную на преодоление защитных реакций и формирование реалистичного взгляда на возможности ребёнка [2]. Родителям нормативно развивающихся детей тоже нужна поддержка: их тревоги, связанные с возможными насмешками или непониманием по отношению к «особому» ребёнку, требуют деликатного и последовательного разъяснения.

На практике дети редко делят друг друга по диагнозам – они воспринимают сверстника таким, какой он есть. Значит, потенциал инклюзивной среды как профилактического ресурса состоит не только в адаптации ребёнка с трудностями поведения, но и в том, что остальные дети учатся толерантности, эмпатии, готовности принимать различия. Инклюзивное образование, понятое как первый шаг к включающему обществу, закладывает в дошкольном возрасте те ценностные ориентиры, которые позже снижают риск социального отчуждения и агрессивных форм взаимодействия [1]. Комплексное сопровождение всех участников образовательного процесса позволяет выстраивать эту работу системно, с учётом интересов каждого ребёнка [4].

Подводя итог, можно сказать, что инклюзивный подход к детям с предпосылками девиантного поведения – это не просто организационная форма, а содержательная педагогическая стратегия. Его профилактический эффект достигается за счёт среды, в которой поведенческие особенности ребёнка не ведут к исключению из коллектива, а становятся точкой опоры для педагогической поддержки. Поэтапное включение, работа с семьёй, предсказуемость режима, внимание к эмоциональному состоянию – всё это не устраняет причин поведенческих трудностей, но снижает риск их закрепления и перехода в устойчивые формы девиантного поведения.

Список источников

1. Семаго Н. Я., Семаго М. М., Семенович М. Л., Дмитриева Т. П., Аверина И. Е. Инклюзивное образование как первый этап на пути к включающему обществу // Психологическая наука и образование. – 2011. – Т. 16, № 1. – С. 51–59.

2. Кончук Т. И. Формирование инклюзивного образовательного пространства в учреждении дошкольного образования на основе партнерского взаимодействия между педагогами и семьями воспитанников // Воспитание и обучение детей с нарушениями развития. – 2023. – № 1. – С. 40–51.

3. Ерофеева О. Г. Модель формирования инклюзивного образовательного пространства для детей дошкольного возраста с особыми образовательными потребностями // Вестник Владимирского государственного университета им. А. Г. и Н. Г. Столетовых. Серия: Педагогические и психологические науки. – 2021. – № 45 (64). – С. 142–152.

4. Сунцова А. С. Технологии комплексного сопровождения участников инклюзивного образовательного процесса // Вестник педагогических инноваций. – 2013. – № 2 (32). – С. 65–77.

© С.Г. Касько, 2026

УДК 37.035.6:791

ПАТРИОТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ ВО ВНЕУРОЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СТУДЕНТОВ СРЕДНЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

СЛИНКИНА СОФИЯ АЛЕКСАНДРОВНА
студентка 3 курса
ГАПОУ ВО «Владимирский экономико-технологический колледж»

Научный руководитель: Синицына Елена Владимировна
преподаватель
ГАПОУ ВО «Владимирский экономико-технологический колледж»

Аннотация: Статья посвящена исследованию патриотического воспитания студентов во внеурочной деятельности на примере ГАПОУ ВО «Владимирский экономико-технологический колледж». В условиях современных вызовов, таких как цифровизация общественной жизни, включающая изменение характера социализации молодого поколения и трансформацию ценностных ориентиров, патриотическое воспитание становится важным компонентом в формировании гражданской ответственности и активной жизненной позиции молодежи. Особое внимание в колледже уделяется внеурочной деятельности патриотической направленности, это участие в проекте «Встреча с героем», волонтерская деятельность, виртуальные экскурсии «По местам воинской славы», спортивные мероприятия, кружковая работа и творческие конкурсы. Сделан вывод о том, что внеурочная жизнь колледжа оказывает значительное влияние на патриотическое воспитание студентов.

Ключевые слова: молодежная патриотическая акция, патриотическое воспитание, активная жизненная позиция, среднее профессиональное образование, внеурочная деятельность, социальная активность, волонтерская акция, командная работа.

PATRIOTIC EDUCATION IN EXTRACURRICULAR ACTIVITIES OF STUDENTS OF SECONDARY VOCATIONAL EDUCATION

Slinkina Sofia Alexandrovna

Scientific supervisor: Sinitsyna Elena Vladimirovna

Annotation: The article is devoted to the study of patriotic education of students in extracurricular activities, using the example of the State Autonomous Professional Educational Institution of the Vladimir Region “Vladimir Economic and Technological College”. In the context of modern challenges, such as the digitalization of public life, which includes changes in the nature of socialization of the younger generation and the transformation of value orientations, patriotic education becomes an important component in shaping civic responsibility and an active life stance among young people. The college pays special attention to extracurricular activities with a patriotic focus, including participation in the project.

Keywords: youth patriotic campaign, patriotic education, active lifestyle, secondary vocational education, extracurricular activities, social engagement, volunteer campaign, teamwork.

На протяжении всей истории педагогической науки вопросы патриотического воспитания неизменно относились к числу приоритетных исследовательских тем. Это обусловлено тем, что формирование у подрастающего поколения любви и преданности Отечеству рассматривается как фундаментальная цель образовательной системы. Что мы представляем, когда слышим слово «патриотизм»? У каждого ответ свой, и, пожалуй, в этом и кроется главная проблема современного разговора о нем. Проблема патриотического воспитания молодежи в России является актуальной и многогранной. Как отмечают в своих работах О. А. Крылова («Формирование патриотизма в современных условиях развития России. Патриотизм как фактор, влияющий на имидж России» [3]) и Т. Д. Филиппов и И. А. Данилов («Патриотическое воспитание в университете: измерение уровня патриотизма студентов на основе социологического опроса» [4]), в условиях современных социокультурных изменений, глобализации, цифровизации и информационной открытости перед обществом и государством встают принципиально новые вызовы, и патриотическое воспитание молодежи встает на первый план и приобретает особую значимость.

Президент Российской Федерации Владимир Владимирович Путин отмечает: «Очень важно для ребят видеть, что настоящие герои, в полном смысле этого слова, совсем рядом. Расти, взрослеть на примерах истинной доблести и любви к Родине — чрезвычайно важная вещь». В. В. Путин также отмечает важность воспитания юного поколения на незыблемых духовно-нравственных и патриотических ценностях.

Патриотическое воспитание в системе образования является предметом активного изучения со стороны ученых и педагогов. Внеурочная деятельность рассматривается как один из ключевых инструментов формирования гражданской позиции и патриотических чувств у молодежи[1]. Т. Н. Бояк, О. А. Румянцева и М. И. Панфиленок подчеркивают [6], что внеурочные мероприятия — волонтёрские проекты, патриотические акции, культурные фестивали — создают для студентов практическую площадку. Участвуя в них, молодые люди:

- Углубляют знания об истории, культуре и традициях своей страны, что напрямую влияет на формирование патриотических чувств.

- Осознают свою причастность к жизни общества, учатся брать на себя ответственность за общие дела и результаты.

- Развивают навыки командной работы, лидерства, проектного управления — то есть компетенции, которые напрямую связаны с социальной активностью.

Таким образом, внеурочная деятельность выступает эффективным инструментом не только патриотического воспитания, но и формирования активной гражданской позиции. В условиях быстро меняющегося современного мира, где молодёжь сталкивается с множеством вызовов, такие навыки и ценности становятся особенно востребованными.

Исследование темы патриотического воспитания студентов во внеурочное время на примере Владимирского экономико-технологического колледжа имеет особую целесообразность. Во-первых, колледж играет важную роль в подготовке специалистов для ключевых отраслей экономики области. Во-вторых, внеурочная деятельность предоставляет богатые возможности для реализации патриотических инициатив, охватывающих разнообразные направления [1], такие как:

1. Участие студентов колледжа в велопробеге, посвящённом 81-летию Победы в Великой Отечественной войне. Конечная остановка произошла на площади Победы, у мемориала Вечного огня все участники почтили память героев минутой молчания и возложили цветы. В мероприятии приняли участие как студенты колледжа, так и преподаватели. Это был непросто велопробег, а живой мост между прошлым и будущим, напоминающий о цене мира и мужестве нашего народа.

2. Мероприятие, приуроченное к Международному дню музеев. Экскурсия по музею колледжа «Наши истоки» — это непросто осмотр экспонатов, это возможность увидеть историю нашего колледжа ожившей. Часто мы проходим мимо дверей музея, не задумываясь о том, какие удивительные истории и ценные артефакты хранятся внутри. Во время экскурсии студенты знакомятся с предметами, которые были свидетелями становления учебного заведения, узнают о выдающихся личностях, которые его создали. Экскурсия помогает студентам узнать много нового и почувствовать гордость за свой колледж.

3. Участие во Всероссийской акции «СПО — сила единства!». Основная цель акции — показать вклад системы СПО в укрепление гражданской идентичности и единства народов России. Система

СПО сегодня — это срез нашего многонационального государства. В колледжах и техникумах страны обучаются представители самых разных регионов, культур и традиций. Объединяя молодежь, система СПО формирует прочный фундамент для укрепления единства народов России. В ходе мероприятия студенты и преподаватели обсудили значимость взаимоподдержки, умения слышать друг друга и работать в команде для достижения общих целей.

4. Студенты колледжа приняли участие во Всероссийской акции «Окна Победы», где они наклеивали на окна символические наклейки (гвоздики, георгиевскую ленту, салют, символ Вечного огня, голубей, журавлей). Участвуя в акции, студенты показали неравнодушие к памяти о событиях Великой Отечественной войны.

5. Акция «Встреча с героем». В преддверии 81-летия Великой Победы колледж посетил участник специальной военной операции и выпускник колледжа Борисов Гурген. Встреча прошла в формате открытого диалога и была посвящена патриотическому воспитанию молодежи, а также обсуждению актуальных вопросов безопасности государства. В ходе беседы гость поделился со студентами личным опытом службы, рассказав о буднях военнослужащих и выполнении боевых задач в зоне проведения специальной военной операции.

6. Участие в молодежной патриотической акции по благоустройству и восстановлению воинских мемориалов и захоронений на территории Князь-Владимирского кладбища. Студенты собирали опавшие листья и мусор, внося свою скромную лепту в одно большое общее дело. Акция помогает сохранить преемственность поколений, помнить о тех, кто отдал жизнь за нас с вами.

7. Встреча с руководителем регионального отделения «Волонтерской роты «Боевого братства» Иваном Богдановым и активистом «Волонтерской роты» Владиславом Цыганковым с целью привлечения молодежи к участию в волонтерских акциях, поисковых экспедициях, патриотических мероприятиях и форумах. Цель движения — участие в создании региональных отделений Всероссийской молодежной патриотической организации «Волонтерская рота «Боевого братства», воспитание и подготовка надёжной смены для продолжения устойчивой работы ветеранской организации.

8. В колледже активно ведется работа кружка «Школа сервиса «Улыбка». Тематика работы кружка включает сервировку стола по заданным темам: «23 февраля», «Спасибо деду за Победу», «Чайный стол ко Дню учителя», «Чайный стол ко Дню матери», «Российский флаг». Такая творческая разносторонняя работа кружка показывает, как можно реализовать личностные результаты программы воспитания — быть сопричастным к сохранению, приумножению и трансляции культурных традиций и ценностей с учетом патриотического воспитания.

9. Классный час играет важную роль в развитии личности обучающегося. Во время классного часа студенты имеют возможность общаться в неформальной обстановке, укрепляя отношения друг с другом и с учителем. Обсуждение различных тем на классном часе способствует развитию коммуникативных навыков, умения слушать и уважать мнение других. Классный час — это один из видов внеурочной воспитательной деятельности. На классных часах обсуждаются различные вопросы, направленные на воспитание личности. Тематика классных часов зависит от возраста учащихся и должна затрагивать важные жизненные вопросы, например:

- «Этикет. Правила поведения за столом» — цель классного часа заключается в способствовании воспитанию и формированию навыков культурного поведения за столом;
- «Всем миром против терроризма» — основная задача классного часа заключается в формировании у подрастающего поколения установок по неприятию идеологии экстремизма (терроризма);
- «Мы за здоровый образ жизни!» — цель классного часа заключается в способствовании формированию негативного отношения к употреблению алкоголя, наркотиков и табакокурения.

10. Также среди студентов популярны виртуальные экскурсии, такие как «По местам воинской славы». Этот маршрут объединяет 20 объектов, связанных с историей Великой Отечественной войны: мемориалы, памятники, воинские захоронения и места, посвящённые подвигу тружеников тыла. Виртуальная прогулка позволяет детально рассмотреть каждый объект, узнать о героях и оценить вклад владимирцев в Победу.

Для оценки влияния внеурочной деятельности на патриотическое воспитание студентов было

проведено анкетирование среди студентов II, III и IV курсов. Для проведения опроса была разработана анкета, включающая в себя вопросы об участии в разнообразных патриотических мероприятиях, а также о том, как внеурочные мероприятия повлияли на эти аспекты. В опросе приняли участие 280 студентов колледжа в возрасте от 17 до 19 лет.

Согласно результатам опроса, большинство респондентов — 45 % —регулярно посещают патриотические мероприятия, и часто — 35 %, что представлено на (рис. 1).

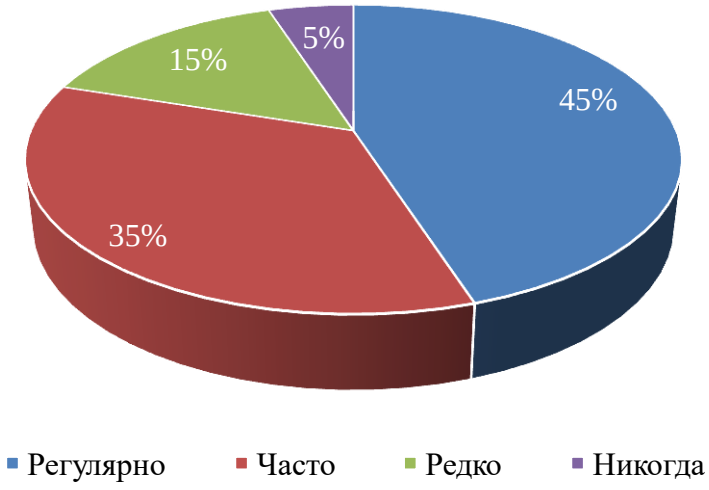

Рис. 1. Как часто Вы посещаете патриотические мероприятия (акции, митинги, встречи и т. д.)?

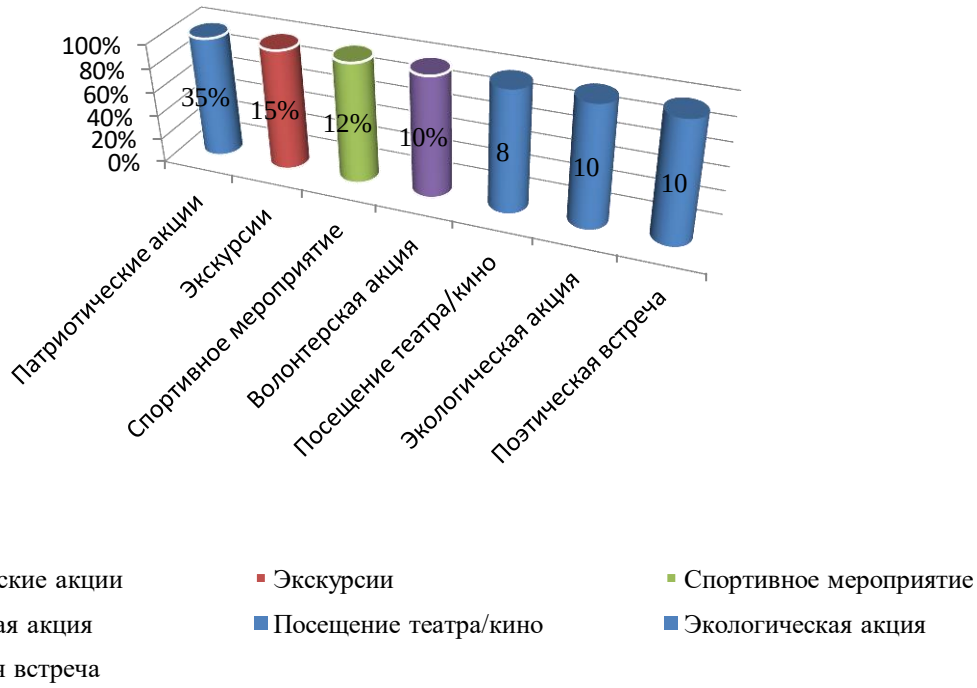

Рис. 2. Типы мероприятий посещаемых респондентами во внеурочное время

Распределение ответов на вопрос: «Какие типы мероприятий Вы посещаете во внеурочное время? (Выберите все подходящие варианты)» — представлено на рис. 2. Согласно результатам, большинство респондентов во внеурочное время отдают предпочтение патриотическим акциям — 35 %, экскурсиям — 15 % и спортивным мероприятиям — 12 %.

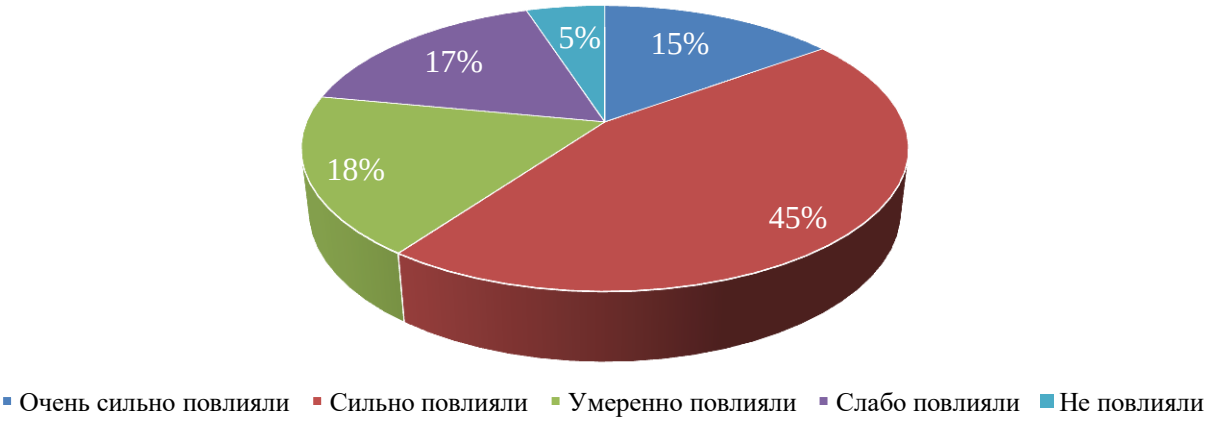

Рис.3. Как на вас повлияли мероприятия, связанные с патриотической тематикой?

Результаты опроса также показали, что внеурочная деятельность имеет положительное влияние на патриотические чувства студентов. Однако 5 % респондентов дали отрицательный ответ на вопрос о влиянии этих мероприятий на их патриотические чувства **[1]** (рис. 3).

Вопросы патриотического воспитания студентов во внеурочное время занимают особое место в жизни современного колледжа. Это не просто формальность, а важнейшая часть образовательного процесса. Участвуя во внеурочных проектах, студенты учатся гражданской ответственности и командной работе. Такая внеаудиторная деятельность помогает занять активную жизненную позицию, развить социальную активность и стать осознанными гражданами своей страны. Проведённое исследование помогло понять, как внеурочная жизнь колледжа влияет на патриотическое воспитание студентов. Было важно не просто собрать цифры, а увидеть общую картину: что действительно работает, какие форматы вызывают живой отклик у ребят, а где ещё есть простор для развития и новых идей.

Список источников

1. Мантыкова Н. Б., Базарова Т. С. Патриотическое воспитание студентов во внеурочное время (на примере ГБПОУ «Байкальский колледж недропользования») // Бизнес. Образование. Право. 2025. № 2(71). С. 315-321. DOI: 10.25683/VOLBI.2025.71.1263.

2. Ушинский К. Д. Педагогические сочинения. В 6 томах / Ред. коллегия: С. Ф. Егоров, И. Д. Зверев и др. М.: Педагогика, 1990. - Т. 5. – 638 с.

3. Крылова О. А. Формирование патриотизма в современных условиях развития России. Патриотизм как фактор, влияющий на имидж России / О. А. Крылова // Вестник науки. 2022. Т. 2, № 11(56). С. 132-139. – EDN AJIMVB.

4. Филиппов Т. Д. Патриотическое воспитание в университете: измерение уровня патриотизма студентов на основе социологического опроса / Т. Д. Филиппов, И. А. Данилов // Социодинамика. 2025. № 2. С. 33-46. DOI 10.25136/2409-7144.2025.2.73208. EDN HHXYCC.

5. Чуйкова К. О. Патриотическое воспитание студенческой молодежи в условиях современных вызовов / К. О. Чуйкова // Актуальные исследования. 2025. № 12-2(247). С. 6-9.EDN EERJJC.

6. Румянцева О.А., Панфилёнок М.И. Внеурочные мероприятия как эффективное средство в области патриотического воспитания обучающихся среднего школьного возраста // Материалы XVII Международной студенческой научной конференции «Студенческий научный форум» URLahref="https://scienceforum.ru/2025/article/2018038781"https://scienceforum.ru/2025/article/2018038781 (дата обращения: 10.10.2026).

МЕДИЦИНСКИЕ НАУКИ

УДК 616.36:616.379-008.64

NONINVASIVE ASSESSMENT OF ADVANCED LIVER FIBROSIS IN TYPE 2 DIABTES AND METABOLIC DYSFUNCTION ASSOCIATED STEATOTIC LIVER DISEASE

SOHAIL AMJADIAN
is an independent researcher
Kermanshah, Iran

Аннотация: Цель обзора — сопоставить возможности и ограничения индекса FIB-4 и вибрационно-контролируемой транзиентной эластографии для оценки выраженного фиброза печени у взрослых с сахарным диабетом 2 типа и метаболически ассоциированной стеатотической болезнью печени. Проведён целевой обзор полных текстов шести публикаций с критическим сравнением популяций, пороговых значений, референсных методов и обработки неопределённых результатов. FIB-4 удобен для первичной оценки риска, однако низкое значение не исключает фиброз во всех клинических ситуациях. Эластография позволяет уточнить риск, но также требует оценки качества измерения и клинического контекста. Последовательное применение методов следует сочетать с дополнительным обследованием при противоречивых результатах. Обзор разграничивает диагностику фиброза и прогнозирование клинических исходов.
Ключевые слова: сахарный диабет 2 типа, стеатотическая болезнь печени, фиброз печени, FIB-4, транзиентная эластография, неинвазивная диагностика.

НЕИНВАЗИВНАЯ ОЦЕНКА ВЫРАЖЕННОГО ФИБРОЗА ПЕЧЕНИ ПРИ САХАРНОМ ДИАБЕТЕ 2 ТИПА И МЕТАБОЛИЧЕСКИ АССОЦИИРОВАННОЙ СТЕАТОТИЧЕСКОЙ БОЛЕЗНИ ПЕЧЕНИ

Сохейл Амджадиян
независимый исследователь
Керманшах, Иран

Abstract: This review compares the clinical utility and limitations of the Fibrosis-4 index (FIB-4) and vibration-controlled transient elastography (VCTE) for assessing advanced liver fibrosis in adults with type 2 diabetes and metabolic dysfunction-associated steatotic liver disease. A targeted full-text review compared six publications by population, test thresholds, reference standard and handling of uncertain results. FIB-4 provides accessible initial risk assessment, but a low result does not exclude fibrosis in every clinical setting. VCTE refines risk assessment while requiring reliable measurement and contextual interpretation. Sequential testing should include further evaluation when findings are discordant. Histological detection and prediction of liver-related outcomes are distinct endpoints. This is a critical narrative review, without new patient data or statistical pooling.
Key words: type 2 diabetes, metabolic dysfunction-associated steatotic liver disease, advanced liver fibrosis, FIB-4, transient elastography, noninvasive assessment.

1 Introduction

Type 2 diabetes (T2D) is an important clinical setting for assessing metabolic dysfunction-associated steatotic liver disease (MASLD). Recognising hepatic fat alone is insufficient: identifying patients at risk of advanced fibrosis can change the need for specialist evaluation. Advanced fibrosis refers here to stages F3-F4, including bridging fibrosis and cirrhosis. European guidance supports targeted fibrosis assessment in people with T2D [1]. Normal aminotransferase concentrations do not reliably exclude advanced disease [2].

The central clinical question is whether a readily available blood score can safely identify patients who need no immediate second-line investigation, and when elastography should refine that assessment. This review evaluates FIB-4 and VCTE with particular attention to false reassurance, referral burden and differences between diagnostic and prognostic endpoints. It focuses on adults with T2D and MASLD, rather than screening all liver diseases or diagnosing steatohepatitis.

2 Review methods

A targeted literature search was conducted on 14 October 2026 using Consensus and web searches directed to PubMed records, journal websites and professional-society guidance. Search terms combined “FIB-4”, “transient elastography”, “advanced fibrosis”, “type 2 diabetes”, “diagnostic accuracy”, “NAFLD” and “MASLD”. Publication titles and identifiers were cross-checked against accessible journal or bibliographic records. Older NAFLD terminology was retained in cited titles; such evidence was assessed for its relevance to the current MASLD population, without assuming identical diagnostic definitions.

Priority was given to clinical guidance, biopsy-referenced diagnostic meta-analyses and multicentre studies of sequential assessment published in 2022-2026. Studies of other liver aetiologies, paediatric cohorts and isolated case reports were not used as core comparative evidence. Six publications were retained after full-text review: two clinical guidance documents, two diagnostic meta-analyses, one cross-sectional study and one multicentre diagnostic and prognostic study. Publisher copies, full-text archives and accepted manuscripts in university repositories were examined. Sources that could not be checked beyond their abstracts were excluded. This is a critical narrative review, without exhaustive systematic screening or duplicate independent selection.

Extraction covered design, eligibility, population, sample size, reference standard, thresholds, uncertainty intervals and outcomes. Numerical claims were checked against the relevant tables; denominator changes and exclusion of indeterminate results were recorded. Methodological limitations were assessed qualitatively, rather than assigned a formal numerical quality score. Results were compared descriptively. No new meta-analysis was undertaken, and samples from separate publications were not added together because overlap could not be excluded. Interpretation distinguished biopsy-confirmed fibrosis from composite high-risk classifications and future liver-related events.

3 FIB-4 as an initial assessment

FIB-4 uses age, aspartate aminotransferase (AST), alanine aminotransferase (ALT) and platelet count. Its formula is age × AST / [platelets × √ALT], with age in years, enzymes in U/L and platelets in 10^9/L. Its practical advantage is that the required variables are routinely available [2]. It should be understood as a risk score, rather than a direct measurement of collagen or a definitive histological stage.

Common pathways use 1.3 as the lower decision threshold and 2.67 as the upper threshold. For people older than 65 years, the lower threshold is adjusted to 2.0; performance is limited below age 35 [1]. AASLD guidance advises against using FIB-4 during acute illness and recommends considering reassessment every 1-2 years in patients with T2D. Elevated or discordant findings require further evaluation [2]. These qualifications are especially important when a score is automatically calculated without clinical review.

Han et al. included 12 biopsy-referenced studies with 5,624 patients overall. The lower-threshold analysis comprised 10 studies and 5,181 patients: sensitivity was 74% (95% confidence interval [CI] 72%-76%) and specificity 62% (60%-64%). The higher-threshold analysis comprised nine studies and 4,945 patients: sensitivity was 33% (31%-36%) and specificity 92% (91%-93%) [3, c. S152]. The threshold ranges were 1.3-1.67 and 2.67-3.25. Thus, pooled estimates cannot be labelled as performance at one universal cut-off. Selection for biopsy and limited regional representation constrain extrapolation to routine diabetes clinics [3, c. S156].

A negative predictive value is the probability of not having the target disease after a negative result in

the population studied. It is not an intrinsic constant of FIB-4. Its value changes with disease prevalence and the case mix. Consequently, a reassuring estimate from one setting cannot establish safety in another; the number of missed cases and the population in which it was measured must be reported.

4 VCTE as a second assessment

VCTE estimates liver stiffness in kilopascals (kPa). It contributes information that differs from the laboratory variables in FIB-4. In the individual-patient-data meta-analysis by Mózes et al., comprising 5,735 participants from 37 NAFLD studies, the area under the receiver operating characteristic curve (AUROC) for advanced fibrosis was 0.85 for VCTE and 0.76 for FIB-4. Only 33% had T2D [4, c. 1006]. This supports complementary testing, but is not a diabetes-specific estimate. Unreliable acquisitions and examinations that fail technically should be distinguished from true low-risk results.

AASLD guidance uses VCTE below 8 kPa to support exclusion and above 12 kPa to indicate a greater likelihood of advanced fibrosis. The intermediate range requires further interpretation. Passive congestion and marked inflammation can increase stiffness independently of fibrosis [2]. A high result is therefore a reason for contextual assessment, rather than automatic confirmation of cirrhosis.

Although a higher AUROC indicates better discrimination in the studied population, it does not specify the referral burden at a chosen threshold. Selecting a pathway requires consideration of missed disease, unnecessary referral and access to reliable measurements. These are separate questions from whether one test ranks patients more accurately than another.

5 Comparative evidence

Table 1 summarises selected comparative evidence. Estimates are presented within their original populations and endpoints; they are not a league table of test performance. In particular, a composite high-risk definition does not have the same evidential meaning as fibrosis established by biopsy.

Таблица 1

Selected evidence on FIB-4 and elastography

Study	Design and population	Reported finding	Interpretation limit
Han et al. [3] 2024	12 studies; 5,624 overall; biopsy reference	Lower-threshold subset: n=5,181; sensitivity 74%, specificity 62%	Threshold range 1.3-1.67; selection for biopsy
Mózes et al. [4] 2022	Individual-data meta-analysis; 5,735 patients; 33% with T2D	AUROC: VCTE 0.85; FIB-4 0.76	Mixed NAFLD population; not a T2D-specific estimate
Deb et al. [5] 2025	Single-centre cross-sectional study; 551 adults with T2D	At FIB-4 1.5: sensitivity 82.9%, specificity 79.9%	Target was VCTE ≥8 kPa, not biopsy-confirmed F3-F4
Chen et al. [6] 2026	352 biopsy-cohort patients and 4,429 prognostic-cohort patients with T2D	Five-year liver-event incidence: 0.7%, 0.9%, 11.8% by risk group	Prognostic thresholds and histological thresholds differ

Abbreviations: AUROC, area under the receiver operating characteristic curve; MRE, magnetic resonance elastography; T2D, type 2 diabetes; VCTE, vibration-controlled transient elastography.

In the Mózes analysis, sequential FIB-4 thresholds of <1.3 and ≥2.67 followed by VCTE <8 and ≥10 kPa yielded sensitivity 66% (95% CI 63%-68%) and specificity 86% (84%-87%) in 5,159 participants with paired data [4, c. 1014]. Indeterminate cases were excluded from those performance calculations. The value of a pathway cannot therefore be judged without its unresolved cases and technical failures. These results also concern a mixed NAFLD population, rather than T2D alone.

Deb et al. evaluated 551 consecutive patients aged 35-65 years at one Indian tertiary centre. Their target was stiffness ≥8 kPa, labelled clinically significant fibrosis, rather than biopsy-confirmed advanced fibrosis. Increasing the FIB-4 threshold from 1.3 to 1.5 raised specificity from 67.3% to 79.9% but reduced sensitivity from 91.5% to 82.9% [5]. This demonstrates a screening trade-off, not a universally superior threshold. No ex-

ternal validation or histological confirmation was provided. The result cannot justify adopting 1.5 as a general exclusion threshold for F3-F4.

Chen et al. examined separate biopsy (n=352) and prognostic (n=4,429) cohorts. The two-step approach assigned the latter to groups with five-year liver-event incidences of 0.7%, 0.9% and 11.8%. Median follow-up was 51.3 months. Alternative VCTE thresholds of 10 and 15 kPa were evaluated for prognostic refinement [6]. All centres were tertiary referral centres; the biopsy readings were not centralised. These limitations matter when considering community use. A low observed event rate over five years is not equivalent to absence of F3-F4 at baseline.

6 Clinical interpretation and remaining uncertainties

A practical interpretation has three steps. First, define the target: suspected F3-F4, possible cirrhosis or future liver events. Second, check whether the patient and test conditions resemble those in the evidence base. Third, select the next action rather than treating a numerical category as a final diagnosis. This framework is an interpretation of the reviewed evidence, not an independently validated decision rule.

For initial FIB-4 below the age-appropriate threshold, reassessment remains part of care. For intermediate values, European guidance permits second-line elastography, particularly in high-risk circumstances, or a period of intensified metabolic management followed by reassessment. Values above 2.67 prompt specialist evaluation [1]. Persistent clinical concern should override simple reassurance from a score. Further assessment may include another noninvasive modality or biopsy when findings conflict [2].

The evidence favours a pathway rather than reliance on one isolated number. FIB-4 offers an accessible first assessment; VCTE supplies a complementary measurement when risk is elevated or uncertain. Nevertheless, a pathway is only useful if an abnormal result leads to a completed investigation. In practical implementation, the relevant denominator is all eligible patients, including those who never attend second-line testing, rather than only patients with a technically successful examination.

The principal tension is between efficiency and false reassurance. Sequential testing limits demand for equipment, while performing VCTE more broadly may identify disease missed by the first gate. Available studies do not justify choosing one universal strategy for every diabetes service. A service should define its target condition, eligible population and capacity before adopting thresholds, and should document how discordant results are resolved. This is an implementation inference from the reviewed evidence, not a newly validated algorithm.

Three distinctions are essential when reading diagnostic studies. First, F2-F4 and F3-F4 are different target conditions; a pathway may perform differently for each. Second, a study-selected biopsy population is not equivalent to unselected diabetes outpatients. Third, accuracy at baseline does not demonstrate that screening reduces mortality. Comparative outcomes, patient access and completion of referral need to be evaluated separately. Neither the observational diagnostic studies nor the prognostic cohort in Table 1 establishes that a screening pathway reduces mortality. Better classification and clinical benefit should be evaluated as separate outcomes.

For further research, the priority is prospective assessment of complete care pathways with predefined thresholds and transparent handling of missing or unreliable tests. Relevant outcomes include missed advanced fibrosis, avoidable referrals, time to specialist assessment and liver-related events. External validation in populations with different age distributions and healthcare access would clarify whether thresholds remain clinically useful. A new score should be judged against these practical outcomes, not solely against a higher AUROC.

7 Review limitations

This review is a purposive full-text synthesis, rather than a systematic review or new meta-analysis. It has no registered protocol, duplicate independent screening or exhaustive search inventory. Its small, deliberately selected evidence set supports clinical interpretation rather than a claim of complete literature coverage. Potential cohort overlap, heterogeneous thresholds, selective biopsy verification and different reference standards prevent simple pooling. Evidence published under NAFLD definitions is relevant but does not establish exact equivalence with all current MASLD populations. No included study was conducted by the author, and no patient-level data were analysed.

8 Conclusion

FIB-4 and VCTE have complementary roles in evaluating advanced liver fibrosis in adults with T2D and MASLD. The practical value of initial FIB-4 assessment must be balanced against missed disease, especially when clinical findings remain concerning. VCTE improves assessment but requires reliable acquisition and contextual interpretation. Sequential pathways are reasonable tools for allocating further evaluation; they should not be presented as definitive histological diagnosis. Their clinical value depends on appropriate thresholds, resolution of discordant findings and completion of referral.

Список источников

1. European Association for the Study of the Liver; European Association for the Study of Diabetes; European Association for the Study of Obesity. EASL-EASD-EASO Clinical Practice Guidelines on the management of metabolic dysfunction-associated steatotic liver disease (MASLD). Journal of Hepatology. 2024;81(3):492-542. DOI: 10.1016/j.jhep.2024.04.031.

2. Rinella M.E., Neuschwander-Tetri B.A., Siddiqui M.S., et al. AASLD Practice Guidance on the clinical assessment and management of nonalcoholic fatty liver disease. Hepatology. 2023;77(5):1797-1835. DOI: 10.1097/HEP.0000000000000323.

3. Han J.W., Kim H.Y., Yu J.H., et al. Diagnostic accuracy of the Fibrosis-4 index for advanced liver fibrosis in nonalcoholic fatty liver disease with type 2 diabetes: A systematic review and meta-analysis. Clinical and Molecular Hepatology. 2024;30(Suppl):S147-S158. DOI: 10.3350/cmh.2024.0330.

4. Mózes F.E., Lee J.A., Selvaraj E.A., et al. Diagnostic accuracy of non-invasive tests for advanced fibrosis in patients with NAFLD: an individual patient data meta-analysis. Gut. 2022;71(5):1006-1019. DOI: 10.1136/gutjnl-2021-324243.

5. Deb R., Goswami S., Sengupta N., et al. Redefining Liver Fibrosis Risk Assessment in Indians with Type 2 Diabetes: New FIB-4 Score Cutoff for Optimizing Sequential Assessment with Transient Elastography. Indian Journal of Endocrinology and Metabolism. 2025;29(2):237-241. DOI: 10.4103/ijem.ijem_457_24.

6. Chen Y., Dong B., Jin X., et al. Two-step clinical care pathway to predict MASLD-related advanced fibrosis and long-term outcomes in type 2 diabetes. Gut. 2026;75(3):576-587. DOI: 10.1136/gutjnl-2025-337506.

© С. Амджадиян, 2026

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 373.24

ЦИФРОВИЗАЦИЯ УПРАВЛЕНИЯ ДОШКОЛЬНЫМ ОБРАЗОВАНИЕМ: ВНЕДРЕНИЕ ЭЛЕКТРОННОГО ДОКУМЕНТООБОРОТА И АВТОМАТИЗАЦИЯ УПРАВЛЕНЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ

ВОРОБЬЕВ АЛЕКСАНДР КОНСТАНТИНОВИЧ
магистрант
ПОПОВ СЕРГЕЙ АНАТОЛЬЕВИЧ
к.т.н., доцент
ОЧУВО «Московский инновационный университет», г. Москва

Аннотация. Управленческий контур дошкольной образовательной организации сегодня перегружен рутинными операциями: сведением табелей посещаемости, ручным расчетом пищеблока, дублированием локальных актов и согласованием заявок на бумажных носителях. В статье исследуется переход детских садов на безбумажный документооборот и сквозную цифровую автоматизацию. Рассмотрены ключевые точки оптимизации: сквозной учет контингента, интеграция меню-требований с санитарными регламентами и складскими остатками, разграничение прав доступа к персональным данным детей и сотрудников, а также создание прозрачного канала коммуникации с родителями. Особое внимание уделено барьерам трансформации — дефициту цифровой грамотности части педагогического состава, неравномерной материально-технической базе ДОУ и рискам несоблюдения 152-ФЗ. Предложен поэтапный алгоритм внедрения специализированных информационных систем, снижающий непедагогическую нагрузку на воспитателей и повышающий скорость принятия управленческих решений администрацией.

Ключевые слова: дошкольное образование; цифровизация управления; электронный документооборот; автоматизация ДОУ; учет контингента; организация питания; информационная безопасность; ФОП ДО; персональные данные.

DIGITALIZATION OF PRESCHOOL EDUCATION MANAGEMENT: IMPLEMENTATION OF ELECTRONIC DOCUMENT MANAGEMENT AND AUTOMATION OF ADMINISTRATIVE PROCESSES

Vorobiev Alexander Konstantinovich,
Popov Sergey Anatolyevich

Abstract. The administrative workflow of a preschool educational institution is currently overloaded with routine operations: compiling attendance sheets, manual catering calculations, duplicating local acts, and coordinating physical paperwork. This article examines the transition of kindergartens to paperless workflows and end-to-end digital automation. Key optimization points are analyzed: continuous tracking of student attendance, integration of dietary requirements with sanitary standards and warehouse balances, role-based access control for children's and employees' personal data, and establishing a transparent communication channel

with parents. Special attention is paid to transition barriers: digital literacy gaps among older teaching staff, uneven hardware infrastructure in educational organizations, and compliance risks under Federal Law No. 152-FZ. A phased implementation algorithm for specialized information systems is proposed, reducing non-pedagogical workload on educators and increasing the decision-making speed of preschool management.
Keywords: preschool education; management digitalization; electronic document management; kindergarten automation; student tracking; catering management; information security; Federal Educational Program; personal data protection.

Организация работы детского сада традиционно ассоциируется с педагогическим процессом, однако устойчивость учреждения напрямую зависит от административной дисциплины. Ежедневно администрация ДОУ решает плотный массив учетных задач: фиксация явки воспитанников, передача сведений на пищеблок, списание продуктов, начисление родительской платы, ведение личных дел, мониторинг выполнения образовательной программы и формирование десятков отчетов для учредителя.

Когда этот объем данных обрабатывается вручную или через разрозненные электронные таблицы, неизбежно возникает системный сбой. Воспитатель тратит до четверти рабочего времени на заполнение бумажных журналов вместо развивающей работы с детьми, а заведующий принимает управленческие решения с постоянной задержкой — пока информация пройдет цепочку от группы до кабинета руководителя, она нередко теряет актуальность.

Для реализации поставленной цели определены следующие задачи:

- вскрыть уязвимости и скрытые издержки традиционной бумажной модели делопроизводства в дошкольных организациях;
- определить архитектуру и функциональные требования к внутриведомственному ЭДО детского сада;
- систематизировать прикладные контуры автоматизации (контингент, пищеблок, финансовый учет, родительский сектор);
- классифицировать инфраструктурные и кадровые барьеры цифровизации и предложить практические шаги по их нивелированию.

1. Издержки и риски традиционного делопроизводства в ДОУ

Классический бумажный документооборот в дошкольном учреждении порождает три базовые проблемы: временной разрыв, каскадное накопление ошибок и юридическую уязвимость.

Неэффективность аналоговой модели отчетливо прослеживается в ежедневном маршруте циркуляции первичных данных:

1. Первичный сбор (воспитатель): ручное заполнение бумажного журнала посещаемости в группе отнимает от 40 до 60 минут продуктивного педагогического времени.
2. Промежуточная передача (медработник / заведующий хозяйством): устная или рукописная передача сведений формирует высокий риск перерасхода либо дефицита продуктов при расчете суточного меню.
3. Исполнение (пищеблок): ручная калькуляция порций приводит к ошибкам в раскладке ингредиентов и искажению накопительных ведомостей.
4. Административный узел (кабинет заведующего): руководство получает агрегированную информацию со значительным временным лагом, что исключает оперативный контроль и повышает риски управленческих ошибок.

Временной разрыв и дублирование операций. Сбор информации о присутствующих детях начинается утром в каждой группе. Воспитатель фиксирует явку в журнале, затем передает цифры на кухню для закладки продуктов, а позже вносит эти же сведения в табель учета посещаемости. При отсутствии единого цифрового пространства одна и та же операция повторяется тремя разными сотрудниками.

Каскадные ошибки в смежных процессах. Неточность, допущенная на этапе утреннего приема (например, не учтенный вовремя ребенок, пришедший позже), автоматически ломает расчет суточного меню-требования, приводит к перерасходу или дефициту ингредиентов на складе и искажает итоговый

финансовый расчет компенсации родительской платы.

Правовые риски обработки персональных данных. В соответствии с требованиями 152-ФЗ хранение согласий, медицинских карт, свидетельств о рождении и паспортных данных родителей на открытых стеллажах в групповых комнатах либо в незащищенных локальных папках персональных компьютеров создает прямую угрозу компрометации сведений. Любая проверка надзорных органов выявляет отсутствие четкого журнала аудита обращений к персональным делам.

2. Конструкция и функциональные слои системы ЭДО в ДОУ

Внедрение электронного документооборота в детском саду не должно сводиться к простой отправке скан-копий через мессенджеры или электронную почту. Полноценный ЭДО строится по модульному принципу и разделяется на уровни ответственности:

- Административный контур (заведующий, заместитель по АХЧ): утверждение локальных актов, штатного расписания, приказов по контингенту (зачисление, перевод, отчисление), подписание договоров с поставщиками и подрядчиками посредством усиленной квалифицированной электронной подписи (УКЭП).
- Методический контур (старший воспитатель, педагоги): ведение календарно-тематических планов в соответствии с ФОП ДО, фиксация результатов педагогической диагностики, формирование портфолио педагогов для аттестации, маршрутизация внутренних служебных записок.
- Учетно-контрольный контур (делопроизводитель, бухгалтер, медработник): регистрация входящей/исходящей корреспонденции, мониторинг сроков исполнения предписаний учредителя, формирование табелей формы 0504608 в автоматическом режиме.

Ключевым технологическим требованием здесь выступает ролевая модель доступа (RBAC): воспитатель видит только списки своей группы, медсестра получает доступ к антропометрическим и прививочным картам, а заведующий обладает сквозным доступом ко всем журналам аудита.

3. Прикладные контуры автоматизации процессов

Наибольший практический эффект от цифровизации достигается в четырех сквозных управленческих узлах.

Сквозной учет посещаемости и контингента. Вместо рукописных тетрадей внедряется электронный табель. Данные вносятся воспитателем через планшет или рабочий терминал в первые 30 минут с момента открытия группы. Система мгновенно пересчитывает среднесписочную численность, процент посещаемости по возрастам и автоматически выгружает актуальные показатели в сводный отчет учреждения.

Автоматизация пищеблока и склада продуктов. Один из наиболее трудоемких участков. Специализированный модуль программы связывает воедино:

1. Типовое 10-дневное или 2-недельное меню, утвержденное по санитарным нормативам;
2. Фактическое количество присутствующих детей на текущий прием пищи;
3. Текущие остатки на складе и сроки годности партий сырья.

Программа в автоматическом режиме формирует меню-раскладку, списывает сырье по нормам граммовки, проверяет соблюдение баланса белков, жиров, углеводов и калорийности, исключая субъективный человеческий фактор при расчетах.

Взаимодействие с родительской общественностью. Вместо хаотичных чатов в нерегулируемых сервисах организуется единый личный кабинет семьи. Через верифицированный интерфейс родители получают:

- официальные уведомления о мероприятиях и карантинных мерах;
- прозрачную детализацию начислений за присмотр и уход;
- возможность заблаговременно предупредить о пропуске или выходе ребенка после болезни без необходимости звонить воспитателю во время занятий.

4. Барьеры внедрения и практическая стратегия перехода

Трансформация уклада ДОУ сталкивается со специфическими трудностями, которые необходимо учитывать при планировании проекта:

Категория	Проявление в ДОУ	Управленческое решение
Кадровый фактор	Психологическое сопротивление педагогов старшего возраста, нехватка базовых ИКТ-навыков	Обучение на коротких кейсах, введение института внутренних наставников, упрощение мобильного интерфейса
Инфраструктура	Дефицит ПК в группах, неравномерное покрытие Wi-Fi в зданиях	Переход на облачные/SaaS-решения, оптимизированные под мобильные устройства и планшеты
Безопасность	Риск несанкционированного доступа к базам данных воспитанников и родителей	Использование отечественного софта из реестра Минцифры, размещение данных на аттестованных серверах

Оптимальная стратегия внедрения предполагает не одномоментный слом привычных процессов, а последовательный трехэтапный запуск:

1. Пилотный этап (1–2 месяца): развертывание электронного табеля и модуля питания в 2–3 группах, калибровка интерфейса и устранение узких мест.
2. Административный этап (1 месяц): перевод всех внутренних приказов, согласований и локальных актов в электронный формат с выдачей ЭП руководителям звеньев.
3. Масштабирование (2–3 месяца): подключение всего педагогического состава, отказ от дублирующих бумажных журналов и запуск родительских сервисов.

Цифровизация дошкольного учреждения — это не просто отказ от бумаги, а перестройка управленческой культуры. Внедрение модульного электронного документооборота и автоматизация операционных процессов (питание, посещаемость, начисления) позволяют ликвидировать каскадные ошибки, освободить до 5–7 часов рабочего времени педагога в неделю и обеспечить прозрачный контроль за ресурсами сада со стороны заведующего.

Перспектива развития цифрового контура ДОУ лежит в плоскости предиктивной аналитики: накопленные массивы данных позволят автоматически прогнозировать сезонные колебания заболеваемости, оптимизировать графики закупок продуктов и формировать индивидуальные маршруты развития воспитанников без увеличения бюрократической нагрузки на коллектив.

Список источников

1. Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» // Официальное опубликование правовых актов. — URL: https://publication.pravo.gov.ru/document/view/0001201212300007 (дата обращения: 17.10.2026).

2. Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» // Официальный интернет-портал правовой информации. — URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102108261 (дата обращения: 17.10.2026).

3. СП 2.4.3648-20. Санитарно-эпидемиологические требования к организациям воспитания и обучения, отдыха и оздоровления детей и молодежи : утв. постановлением Главного государственного санитарного врача РФ от 28.09.2020 № 28 // Официальное опубликование правовых актов. — URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202012210122 (дата обращения: 17.10.2026).

4. Приказ Министерства просвещения Российской Федерации от 25.11.2022 № 1028 «Об утверждении федеральной образовательной программы дошкольного образования» // Официальное опубликование правовых актов. — URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202212280044 (дата обращения: 17.10.2026).

УДК 340

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ РАЗРАБОТКИ ПРОГРАММЫ СОЦИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ МУНИЦИПАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ (НА ПРИМЕРЕ АМО ТЕПЛО-ОГАРЕВСКИЙ РАЙОН)

МИТЯЕВА ВАЛЕРИЯ СЕРГЕЕВНА
магистр
ОЧУ ВО «Московский инновационный университет»

Аннотация: В статье проведён анализ практики разработки и реализации программ социального развития в АМО Тепло-Огаревский район Тульской области. Рассмотрена действующая система программно-целевого планирования, включая нормативную базу, структуру муниципальных программ и их ресурсное обеспечение. Выявлены ключевые проблемы, предложены меры по совершенствованию системы планирования. Реализация данных мер позволит повысить эффективность программ социального развития района в условиях ограниченности бюджетных ресурсов.
Социальное развитие муниципальных образований — ключевой фактор повышения качества жизни населения и обеспечения устойчивого территориального развития. В современных условиях особую значимость приобретает эффективность программно-целевого планирования.
Тепло-Огаревский район Тульской области — территория со сложной социально-демографической ситуацией: здесь наблюдается сокращение численности населения, выраженный миграционный отток молодёжи, дефицит кадров в социальной сфере и ограниченность бюджетных ресурсов.
Цель настоящей работы — проанализировать практику разработки и реализации программ социального развития в Тепло-Огаревском районе, выявить ключевые проблемы и предложить меры по совершенствованию системы планирования.
Ключевые слова: социальное развитие, муниципальное образование, программно-целевое планирование, стратегия социально-экономического развития.

IMPROVING THE DEVELOPMENT OF A SOCIAL DEVELOPMENT PROGRAM FOR A MUNICIPAL FORMATION (CASE STUDY: TEPLO-OGAREVSKY DISTRICT MUNICIPAL FORMATION)

Mityaeva Valeria S.

Abstract: The article analyzes the practice of developing and implementing social development programs in the Teplo-Ogarevsky District Municipal Formation of the Tula Region. The existing system of program-targeted planning is examined, including the regulatory framework, the structure of municipal programs, and their resource provision. Key problems are identified, and measures for improving the planning system are proposed. The implementation of these measures will enhance the effectiveness of social development programs in the district under conditions of limited budgetary resources.
Social development of municipal formations is a key factor in improving the quality of life of the population and ensuring sustainable territorial development. Under current conditions, the effectiveness of program-targeted planning is of particular importance.
The Teplo-Ogarevsky District of the Tula Region is a territory with a complex socio-demographic situation

characterized by a declining population, a pronounced migratory outflow of young people, a shortage of personnel in the social sector, and limited budgetary resources.
The purpose of this study is to analyze the practice of developing and implementing social development programs in the Teplo-Ogarevsky District, identify key problems, and propose measures for improving the planning system.
Keywords: social development, municipal formation, program-targeted planning, socio-economic development strategy.

Социальное развитие муниципального образования — это управляемый процесс качественных и количественных преобразований в социальной сфере территории, направленный на повышение уровня и качества жизни населения, создание комфортной среды жизнедеятельности и обеспечение устойчивого функционирования всех составляющих местного сообщества [1]. Социальное развитие фокусируется прежде всего на человеческом измерении: росте доходов, улучшении доступа к образованию и здравоохранению, повышении культурного уровня, обеспечении социальной защищённости и улучшении качества окружающей среды [2].

Муниципальное образование представляет собой сложную социально-экономическую систему, которая обладает такими свойствами, как управляемость, самостоятельность, целенаправленность и открытость [1]. Жители территории не только получают социальные услуги, но и участвуют в формировании приоритетов развития через механизмы местного самоуправления [3].

Содержание социального развития муниципального образования охватывает широкий спектр направлений [4] :

- демографическая политика — стимулирование рождаемости, поддержка семей с детьми, снижение миграционного оттока;
- здравоохранение — обеспечение доступности медицинской помощи, развитие сети фельдшерско-акушерских пунктов, кадровое обеспечение;
- образование — организация дошкольного, общего и дополнительного образования, модернизация материально-технической базы;
- социальная защита — поддержка малоимущих, пожилых людей, инвалидов, молодых семей;
- молодёжная политика — вовлечение молодёжи в добровольческую и патриотическую деятельность, создание условий для самореализации;
- физическая культура и спорт — строительство спортивных объектов, пропаганда здорового образа жизни;
- культура и досуг — развитие учреждений культуры, сохранение культурного наследия, организация досуговой деятельности.

Целью социального развития муниципального образования всегда выступает повышение качества и уровня жизни населения и обеспечение благоприятного функционирования всех её составляющих [1,2].

Ответственность за социальное развитие муниципального образования возлагается на органы местного самоуправления. Их задачи включают: создание нормативно-правовой базы по вопросам местного самоуправления; разработку социально-экономических показателей; выявление проблем, с которыми сталкивается муниципалитет; формирование мероприятий и механизмов для их решения; разработку методических рекомендаций по планированию на территориях муниципального образования [1].

Нормативно-правовое регулирование социального развития муниципальных образований представляет собой многоуровневую систему, включающую акты федерального, регионального и местного уровней [5] .

Конституция Российской Федерации закрепляет основы функционирования института местного самоуправления в Главе 8. Местное самоуправление признаётся и гарантируется на всей территории Российской Федерации как одна из основ конституционного строя [2].

Фундаментальным актом, регулирующим деятельность органов местного самоуправления, в том числе в части социального развития, является Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (с 2025 года — в редакции Федерального закона от 20.03.2025 № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти»). Закон закрепляет за представительным органом муниципального образования полномочие по утверждению стратегии социально-экономического развития (п. 4 ч. 10 ст. 35), а за органами местного самоуправления — право принимать и реализовывать планы и программы социально-экономического развития (ч. 6 ст. 17) [6].

Ключевым специальным актом выступает Федеральный закон от 28.06.2014 № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации». Он определяет стратегическое планирование как деятельность по определению целей, прогнозированию, планированию и программированию социально-экономического развития РФ, субъектов и муниципальных образований [7].

Бюджетный кодекс Российской Федерации (ст. 179) устанавливает, что муниципальные программы утверждаются местной администрацией, а объём бюджетных ассигнований на их финансовое обеспечение утверждается решением о бюджете по соответствующей целевой статье расходов [8].

Важное значение имеет Постановление Правительства РФ от 01.10.2015 № 1050 «Об утверждении требований к программам комплексного развития социальной инфраструктуры поселений, муниципальных округов, городских округов», определяющее состав и содержание программ комплексного развития социальной инфраструктуры в областях образования, здравоохранения, физической культуры и массового спорта, культуры [9].

На федеральном уровне также действуют методические рекомендации Минэкономразвития России (письмо от 18.02.2026 № 5307-ПК/Д19и), устанавливающие принципы разработки и реализации государственных и муниципальных программ, включая синхронизацию с национальными целями развития РФ до 2030 года и на перспективу до 2036 года [10].

В Тульской области действует Закон от 26 февраля 2016 года № 8-ЗТО «О стратегическом планировании в Тульской области», а также разработаны Методические рекомендации по разработке муниципальных программ, которые устанавливают общие принципы и порядок разработки, формирования и реализации муниципальных программ для всех муниципальных образований области [11].

На местном уровне нормативно-правовое регулирование осуществляется через правовые акты органов местного самоуправления: уставы муниципальных образований, постановления администраций о порядке разработки, реализации и оценки эффективности муниципальных программ, решения представительных органов о бюджете и утверждаются постановлением администрации муниципального [5,11].

При формировании программы учитывают ряд принципов [12]:

- целеполагание — чёткая система целей с качественными и количественными параметрами;
- социальная приоритетность — главный критерий эффективности программы — рост качества жизни населения;
- комплексность — учёт социальных, экономических, экологических и градостроительных факторов, сбалансированность интересов участников;
- эффективность — оценка экономической и общественной пользы мероприятий;
- преемственность — согласование с приоритетами регионального и федерального уровней;
- управляемость — определение механизмов контроля, мониторинга и корректировки;
- гласность — вовлечение экспертов и общественности, информирование жителей.

Программа включает три ключевых блока [12, 13]:

1. Проблемно-целевой — фиксация актуальных проблем и постановка целей.
2. Блок программных мероприятий — перечень мер с указанием задач, ресурсов, исполнителей, сроков и результатов.
3. Блок механизмов управления — организационные, финансовые, контрольные и иные инструменты реализации.

Этапы разработки [13]:

1. Анализ социально-экономической ситуации и выявление проблем.
2. Определение целей и направлений развития.
3. Формирование комплекса мероприятий.
4. Проработка механизма реализации и системы корректировки.

Особенности применения в Тепло Огаревском районе

В Тепло Огаревском районе программы социального развития разрабатывают с учётом специфики территории: снижения численности населения, миграционного оттока молодёжи, удалённости от областного центра и статуса части населённых пунктов как зоны с льготным социально экономическим статусом (вследствие чернобыльской катастрофы). Приоритетами выступают стимулирование рождаемости, создание рабочих мест, развитие социальной инфраструктуры и удержание кадров в ключевых сферах — здравоохранении и образовании. Программа опирается на стратегию социально экономического развития района до 2036 года и действует в рамках федерального и регионального законодательства [4].

В практике планирования присутствует элемент общественного участия (форумы, обсуждения приоритетов), а также реализуются отдельные инфраструктурные мероприятия (ремонт дворов, ДК, модернизация инженерных сетей) [4]. Однако динамика ключевых социальных показателей остаётся негативной, что свидетельствует о недостаточной результативности текущих программных мер.

Для повышения эффективности программ целесообразно реализовать следующие меры:

- Синхронизировать программные документы: привести сроки и показатели программ в соответствие со Стратегией-2036, закрепить матрицу соответствия целей и индикаторов правовым актом администрации [14].
- Пересмотреть систему показателей: перейти к измеримым индикаторам социального эффекта (обеспеченность кадрами, миграционный баланс, доля населения с доходами ниже прожиточного минимума, число созданных рабочих мест) [15].
- Внедрить сценарный подход: для каждой программы предусмотреть базовый и минимальный сценарии с разными объёмами финансирования и ожидаемыми результатами [15].
- Усилить территориальный подход: разработать подпрограмму комплексного развития сельских территорий с акцентом на населённые пункты льготной зоны (развитие ФАПов, транспортной доступности, локального туризма) [4] .
- Привлекать внебюджетные источники: использовать механизмы ГЧП, включать в программы разделы по потенциальным инвесторам и источникам софинансирования [16].
- Повысить квалификацию специалистов: организовать обучение служащих по программно-целевому планированию и оценке эффективности, наладить межмуниципальный обмен опытом [15].
- Систематизировать общественное участие: проводить регулярные опросы, закрепить порядок публичных обсуждений и отчётов перед жителями [17].
- Внедрить методику оценки социального эффекта: утвердить методику расчёта влияния программ на ключевые социальные параметры и публиковать ежегодные результаты [18].

Проведённый анализ показал, что в Тепло-Огаревском районе сформирована базовая система программно-целевого планирования социального развития, охватывающая основные сферы жизнедеятельности населения. Вместе с тем её эффективность сдерживается рядом системных проблем. Предложенные меры по совершенствованию позволяют повысить управляемость и результативность программ без существенного увеличения бюджетных расходов.

Список источников

1. Филатова А. И. Сущность социально-экономического развития муниципального образования // Вестник науки. — 2020. — № 5 (26). — Т. 3. — URL: https://www.xn----8sbempclcwd3bmt.xn--p1ai/archiv/journal-5-26-3.pdf (дата обращения: 17.10.2026).

2. Давыдов Д. А. Социально-экономическое развитие муниципальных образований в Российской

Федерации // Молодой ученый. — 2022. — № 2 (397). — С. 96–97. — URL: https://moluch.ru/archive/397/87768/ (дата обращения: 17.10.2026).

3. Файков Д. Ю. Методические аспекты планирования социально-экономического развития муниципального образования // Регионология. — 2012. — № 3 (80). — URL: https://regionsar.ru/ru/node/958 (дата обращения: 17.10.2026).

4. Стратегия социально-экономического развития муниципального образования Тепло-Огаревский район до 2036 года. — Реквизиты утверждения и официальный текст документа не подтверждены.

5. Игнатьева Е. В. Правовое регулирование стратегического планирования на муниципальном уровне [Электронный ресурс] // Меридиан. — URL: https://meridian-journal.ru/site/articlec8c4/?id=5468 (дата обращения: 17.10.2026).

6. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993, с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. — URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 17.10.2026).

7. Федеральный закон от 28.06.2014 № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями) [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_164841/ (дата обращения: 17.10.2026).

8. Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 № 145-ФЗ (ст. 179, с изменениями и дополнениями) [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19702/ (дата обращения: 17.10.2026).

9. Постановление Правительства Российской Федерации от 01.10.2015 № 1050 «Об утверждении требований к программам комплексного развития социальной инфраструктуры поселений, муниципальных округов, городских округов» (ред. от 28.11.2023) [Электронный ресурс] // Гарант. — URL: https://base.garant.ru/71207226/ (дата обращения: 17.10.2026).

10. Письмо Минэкономразвития России от 18.02.2026 № 5307-ПК/Д19и «О Методических рекомендациях по разработке и реализации государственных программ субъектов Российской Федерации и муниципальных программ» [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_532277/ (дата обращения: 17.10.2026).

11. Методические рекомендации по разработке и реализации государственных программ субъектов Российской Федерации и муниципальных программ : приложение к письму Минэкономразвития России от 18.02.2026 № 5307-ПК/Д19и [Электронный ресурс] // Гарант. — URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/413701408/ (дата обращения: 17.10.2026).

12. Файков Д. Ю. Методические аспекты планирования социально-экономического развития муниципального образования // Регионология. — 2012. — № 3 (80). — URL: https://regionsar.ru/ru/node/958 (дата обращения: 17.10.2026).

13. Шевченко Н. В. Формирование и механизм реализации муниципальной программы социально-экономического развития : автореф. дис. ... канд. экон. наук : 08.00.05. — Волгоград, 2008. — URL: https://dspace.kpfu.ru/xmlui/bitstream/handle/net/106476/0-793810.pdf?isAllowed=y&sequence=1 (дата обращения: 17.10.2026).

14. Современные тенденции разработки и реализации муниципальных программ : аналитический отчет [Электронный ресурс] / Фонд «Институт экономики города». — Москва, 2024. — URL: https://www.urbaneconomics.ru/sites/default/files/municipalnye_programmy_27.12.pdf (дата обращения: 17.10.2026).

15. Домбровская И. А., Чернышева В. М. Применение программно-целевого метода в бюджетном планировании и прогнозировании в муниципальном образовании // Фундаментальные исследования. — 2014. — № 12-5. — С. 1017–1021. — URL: https://fundamental-research.ru/article/view?id=36269 (дата обращения: 17.10.2026).

16. Моисеенко М. А. Проблемы финансирования долгосрочных муниципальных целевых программ // Известия Сочинского государственного университета. — 2012. — № 4 (22). — С. 91–97.

17. Шашина Н. С. Муниципальные целевые программы: проблемы разработки и эффективной реализации [Электронный ресурс] // Власть и управление на Востоке России. — 2012. — № 4 (61). — URL: https://vlastdviu.ranepa.ru/index.php?page=rio4-2012%281-58%29&rc=rio (дата обращения: 17.10.2026).

18. Моисеенко М. А. Развитие программно-целевого бюджетного планирования как инструмента повышения эффективности расходов местного бюджета : автореф. дис. ... канд. экон. наук : 08.00.10. — Ростов-на-Дону, 2013. — 26 с.

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

ЛУЧШИЙ АВТОР НАУЧНОЙ СТАТЬИ 2026

Сборник статей
Международного научно-исследовательского конкурса
г. Пенза, 15 октября 2026 г.
Под общей редакцией
кандидата экономических наук Г.Ю. Гуляева

Подписано в печать 17.10.2026.
Формат 60×84 1/16. Усл. печ. л. 3,6

МЦНС «Наука и Просвещение»
440062, г. Пенза, Проспект Строителей д. 88, оф. 10
www.naukaip.ru

16+